

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
сборник учебно-методических материалов
для направления подготовки 45.03.03 – Фундаментальная
и прикладная лингвистика

Благовещенск, 2017

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
филологического факультета
Амурского государственного
университета*

Составитель: Иванашко Ю.П.

Политическая лингвистика: сборник учебно-методических материалов для направления подготовки 45.03.03. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017.

© Амурский государственный университет, 2017

© Кафедра иностранных языков, 2017

© Иванашко Ю.П., составление

Содержание

<i>Курс лекций</i>	4
Тема 1. Политическая лингвистика: историческое развитие и современное состояние	4
Тема 2. Понятийный аппарат и терминология политической лингвистики	7
Тема 3. Типовые свойства, дискурсивные характеристики и функции политической коммуникации	13
Тема 4. Лексические характеристики политической коммуникации	22
Тема 5. Стилистические характеристики политической коммуникации.	29
Метафора в языке политики	
Тема 6. Фонетические особенности политической речи	38
Тема 7. Средства манипулятивного воздействия в политической коммуникации	41
Тема 8. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики	44
Литература, использованная в курсе лекций	47
<i>Методические рекомендации к практическим занятиям</i>	49
Доклад по теме лекции	49
Дискуссия/круглый стол	51
Терминологический диктант	53
Дискуссия/круглый стол	55
Презентация	57
<i>Методические указания для самостоятельной работы студентов</i>	60

I. Курс лекций

Тема 1

Политическая лингвистика: историческое развитие и современное состояние.

Предмет исследования политической лингвистики — политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе. Каждый человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации. Когда этот человек идет на выборы, он участвует в политической жизни и делает это не без влияния субъектов политической коммуникации. Главная функция политической коммуникации — борьба за политическую власть: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее создании и преобразовании.

Важная задача политической лингвистики — исследовать многообразные взаимоотношения между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества. Политическая коммуникация оказывает влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира.

Современная политическая лингвистика активно занимается общими проблемами политической коммуникации (анализирует ее отличия от коммуникации в других сферах), изучает проблемы жанров политической речи (лозунг, листовка, программа, выступление на митинге, парламентские дебаты и др.), она обращается к проблемам идиостилия отдельных политиков, политических партий и направлений, рассматривает стратегию и тактику политической коммуникации, композицию, лексику и фразеологию политических текстов, использование в них разнообразных образных средств. Одно из актуальных направлений политической лингвистики — изучение отдельных политических концептов в рамках соответствующего языка и национальной культуры, обращение к проблемам понимания политических реалий того или иного государства гражданами других государств.

Важнейший постулат современной политической лингвистики — дискурсивный подход к изучению политических текстов, то есть исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны.

Необходимо различать политическую лингвистику, ориентированную на изучение политической коммуникации, и исследования в области языковой политики государства, которые относятся к сфере интересов социолингвистики. Несколько упрощая проблему, можно сказать, что специалистов по политической лингвистике интересует то, как говорят политики, а специалисты по языковой политике занимаются тем, что политики делают (или должны делать) для оптимального использования языка. Поэтому к сфере интересов политической лингвистики не принадлежат столь важные направления работы, как анализ проблем функционирования

государственного и иных языков в стране (начиная с вопроса о самой необходимости официального признания государственного языка), изучение проблем языков межнационального общения и языков международного общения (мировых языков), государственная регламентация письменностей (например, недавнее решение об использовании в России исключительно кириллических письменностей), решение вопроса об отношении к заимствованиям. Все эти проблемы относятся к государственной политике в сфере использования языка в целом, а не только к политической коммуникации, что и «выводит» их за рамки политической лингвистики в том понимании, которое лежит в основе настоящего исследования.

Основные направления в современной политической лингвистике

Политическая лингвистика как особая область науки возникла в России в последнее десятилетие прошлого века. Однако истоки современной политической лингвистики можно обнаружить уже в античной риторике — проблемами политического красноречия активно занимались в глубокой древности. В России XVIII — первой половины XIX века проблемы политического красноречия также изучались преимущественно в рамках риторики. Проблемы политической речи во второй половине XIX — начале XX века затрагивались прежде всего в публицистике, где велись острые политические дискуссии между сторонниками революционных, либеральных и консервативных взглядов, между марксистами разных направлений, народниками и приверженцами других политических течений.

В истории изучения политического языка советской эпохи можно выделить три периода. Первый из них приходится на 20—30-е годы, когда Г. О. Винокур, С. И. Карцевский, Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, П. Я. Черных, Р. О. Якобсон изучали преобразования, происходящие в русском литературном языке после 1917 года. Были обнаружены значительные изменения в лексической и стилистической системе (прежде всего появление множества аббревиатур, экспансия варваризмов и диалектизмов, значительное влияние просторечия и одновременно официально-деловой речи, сдвиги в семантике и эмоциональной окраске многих слов).

Второй период приходится на 30—40-е годы, когда последователи Н. Я. Марра стремились выделить и автономно описать «язык эксплуататоров» и «язык трудящихся» как едва ли не отдельные системы в рамках национального языка. Определенный историколингвистический интерес представляют также опубликованные в этот период работы, в которых представлен лингвополитический анализ «языка и стиля» некоторых советских политических лидеров: М. И. Калинина, С. М. Кирова, В. И. Ленина, И. В. Сталина и др. Авторы указанных исследований отмечали ораторское мастерство большевистских руководителей, «народность» их речи (в смысле ее доступности для широких масс). С этими выводами (если с пониманием отнестись к тому, что в таких работах доминировал восхваляющий пафос) следует согласиться: плохой оратор просто не способен стать лидером в стране, где кипят революционные страсти, или победить в острых внутривнутрипартийных дискуссиях, так характерных для первых лет Советской власти.

Третий период в изучении советского политического языка относится к 50—80-м годам, когда проблемы политической речи рассматривались в публикациях по теории и практике ораторского искусства и лекторского мастерства (Г. З. Апресян, Л. А. Введенская, Н. Н. Кохтев, В. В. Одинцов и др.), при освещении деятельности средств массовой коммуникации (Ю. А. Бельчиков, В. Г. Костомаров, Д. Э. Розенталь, Г. Я. Солганик и др.), в исследованиях по вопросам агитации и пропаганды. Эти проблемы занимали важное место и в некоторых публикациях, посвященных развитию русского языка в послеоктябрьский период, его стилистической дифференциации, обогащению его лексикофразеологического фонда (П. Н. Денисов, С. Г. Капралова, А. Н. Кожин, Т. Б. Крючкова, М. В. Панов, И. Ф. Протченко и др.). Среди советских специалистов были и блестящие мастера эзопова языка, и искренние сторонники господствующей идеологии, и люди, для которых сама возможность заниматься наукой значила больше, чем рассматриваемый материал. Наши языковеды смогли многое сделать и многое сказать (иногда между строк).

Совершенно особое место в изучении отечественного политического языка занимают зарубежные исследования (Андре Мазон, Астрид Бэклунд, Эгон Бадер, Патрик Серио и др.), в том числе публикации российских эмигрантов (С. М. Волконский, И. Земцов, С. И. Карцевский, Л. Ржевский, А. и Т. Фесенко и др.) и специалистов из бывших советских республик — ныне суверенных государств (В. В. Дубичинский, А. Д. Дуличенко, Э. Лассан, С. Н. Муране, Б. Ю. Норман, Г. Г. Почепцов, И. Ф. Ухванова-Шмыговаи др.). Как справедливо писал С. Есенин, «лицом к лицу лица не увидеть»: взгляд «со стороны» иногда позволяет увидеть даже больше, чем наблюдения над языковой ситуацией «изнутри». Кроме того, нельзя забывать, что жесткая цензура и самоцензура часто не позволяли советским лингвистам в полной мере высказать свою точку зрения, тогда как авторы, работавшие за рубежом, были в этом отношении относительно свободны. С другой стороны, многие эмигранты «первой волны» оказались слишком суровыми критиками и отвергали едва ли не любые инновации послереволюционного периода. Интересный обзор филологических размышлений и высказываний русских эмигрантов представлен в книге Л. М. Грановской [1993].

Обсуждение проблем политической коммуникации в отечественной лингвистике советского периода происходило, по существу, вне контекста мировой науки. Западные публикации по этой проблематике считались идеологически порочными и по различным причинам почти не были известны в нашей стране. Положение изменилось только в конце XX века, когда демократизация общественной жизни сделала политическую коммуникацию в России предметом массового интереса и стала возможной объективная оценка трудов крупнейших зарубежных специалистов в области политической коммуникации.

В западных странах проблема соотношения языка и идеологии вызывала интерес еще в начале прошлого столетия, но политическая лингвистика как самостоятельное научное направление возникла во второй половине XX века. Обращаясь к истокам современной политической лингвистики, историки этой науки, помимо филологов, исследовавших социальные аспекты функционирования языка, называют английского писателя Джорджа Оруэлла и немецкого литературоведа Виктора Клемперера. Первый из них написал в 1948 году роман-антиутопию «1984», в приложении к которому были описаны принцип «двоемыслия» (doublethink) и образцы «новояза» (newspeak), то есть на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве.

Дж. Оруэлл наглядно показал, каким образом при помощи языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война — это мир», «Свобода — это рабство» и «Незнание — это сила».

Пророческий дар Дж. Оруэлла постоянно отмечают современные специалисты по политической пропаганде: иногда кажется, что именно по рецептам «новояза» советские войска в Афганистане решили называть ограниченным контингентом, а саму эту войну — интернациональной помощью.

Описанный Джорджем Оруэллом «новояз» был плодом его фантазии. Виктор Клемперер подробно охарактеризовал «новояз», за которым он имел несчастье наблюдать 12 лет. Книга «LTI. Записная книжка филолога» (издана в 1947 году) была посвящена коммуникативной практике германского фашизма, а буквы «LTI» в ее названии обозначают «Лингвистика Третьей империи». Следует отметить, что практика нацистского «новояза» была значительно многообразнее и изощреннее созданной Джорджем Оруэллом теории.

Например, оказалось, что вовсе не обязательно запрещать то или иное выражение — достаточно взять его в кавычки. Например, «немецкий поэт» Гейне — это уже совсем не немецкий и не совсем поэт; соответственно написание «выдающийся ученый» Эйнштейн позволяет поставить под сомнение гениальность выдающегося физика.

Позднее появилось описание коммунистического «новояза» и языкового сопротивления ему в Польше (А. Вежбицка), России (Н. А. Купина) и других государствах существовавшего во второй половине прошлого века социалистического лагеря. Например, в советском

политическом дискурсе очень значимыми были политические определения, кардинально преобразующие смысл и эмоциональную окраску слова. Например, в советском «новоязе» буржуазный гуманизм или абстрактный гуманизм— это вовсе не человеколюбие, а негативно оцениваемое проявление слабости, недостаточная твердость по отношению к политическим противникам и просто представителям «эксплуататорских классов».

С другой стороны, в качестве социалистического гуманизма могли быть представлены жестокие действия «против классово чуждых элементов», особенно если эти действия воспринимались как полезные «для трудового народа» в его «классовой борьбе».

Например, в некоторых учебных пособиях как пример социалистического гуманизма описывался эпизод из романа Александра Фадеева «Разгром»: командир партизанского отряда Левинсон «экспроприрует» (проще говоря, отбирает) у крестьянина свинью, чтобы обеспечить пищей голодных партизан.

Публикации многих других специалистов по политической лингвистике (Р. Водак, Д. Вотс, Т. А. ван Дейк, Дж. Лакофф, К. Хаккер, Л. Хан, Й. Хейзинга, Н. Хомский и др.) отражают коммуникативную практику современных западных демократий. Эти исследования показали, что и в условиях демократии постоянно используется языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция. Политика — это всегда борьба за власть, и в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Например, опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов», но хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за «сокращение пропасти между богатыми и бедными», и не всякий избиратель сразу поймет, что это может быть призывом к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их приходится не только миллионерам.

В нашей стране формирование политической лингвистики как особого научного направления происходило в последнее десятилетие XX века, чему способствовали как бурные изменения в политическом языке, отражавшие коренные социальные преобразования в постсоветской России, так и появление возможности открыто выражать свои взгляды, использовать опыт западной политической науки. Вместе с тем показательно, что до настоящего времени специалистам приходится обосновывать использование самого наименования «политическая лингвистика». Так, П. Б. Паршин пишет: «В названии настоящей статьи присутствует выражение “политическая лингвистика”, которое может вызвать вполне обоснованную оторопь. Оно, однако, имеет некоторую историю употребления (международная конференция, в названии которой присутствовало это выражение, прошла в Антверпене еще в декабре 1995 года), да и к тому же проще и понятнее, чем “теория политического дискурса” и тому подобные обозначения соответствующей сферы исследований. Еще одним аргументом в пользу этого названия является то, что оно устроено ровно так же, как уже привычное “политическая психология”: определение в составе обоих названий относится не к самой дисциплине, а к ее объекту». Высказанные опасения представляются напрасными: исследования в области политической лингвистики становятся все более глубокими и разнообразными, а название этого раздела науки не вызывает не только оторопи, но и удивления.

Специфика современной российской политической речи в последние годы активно обсуждается специалистами (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Н. А. Безменова, А. Д. Васильев, И. Т. Вепрева, С. И. Виноградов, О. И. Воробьева, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, О. С. Иссерс, Е. Г. Казакевич, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Н. А. Купина, П. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, Л. И. Скворцов, Т. Г. Скребцова, Ю. А. Сорокин, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, В. Н. Шапошников, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал и др.). Повышенное внимание современных специалистов к исследованию политической речи связано еще и с тем, что в советский период едва ли не всякая публикация по проблемам политической речи была априорно скомпрометирована. Как известно, в условиях жесткой цензуры и

самоцензуры было крайне сложно объективно охарактеризовать особенности речи как коммунистических лидеров (идейная чистота и высокая должность как бы предопределяли их речевое мастерство), так и их политических противников; допускались лишь своего рода «советы» пропагандистам, стремящимся увеличить воздействие своей пропаганды, а также рекомендации журналистам по проблемам «языка и стиля» в средствах массовой коммуникации и критический анализ языка «буржуазной» прессы. Положение изменилось только после начала «перестройки», когда гласность сделала возможной публикацию более объективных исследований.

В современной отечественной политической лингвистике сформировалось несколько относительно автономных, хотя и взаимосвязанных направлений. Возможна классификация современных отечественных политико-лингвистических исследований по используемым методам исследования, по изучаемому периоду, по рассматриваемому языковому уровню и некоторым другим основаниям. Рассмотрим основные противопоставления, выявляющиеся при анализе конкретных публикаций.

Тема 2

Понятийный аппарат и терминология политической лингвистики

Среди направлений современного языкознания преобладают такие, которые объясняются общностью методологической базы, в этих направлениях существуют признаваемые большинством исследователей определения, термины, постулаты и принципы. К числу подобных направлений относятся, например, сравнительно-историческое языкознание, психолингвистика, когнитивная лингвистика. Исследования по политической лингвистике представляют собой общность несколько иного рода. Они объединены прежде всего изучаемым материалом (политический язык, политические тексты, политический дискурс), а поэтому в этой области знаний до настоящего времени не существует единой теоретической основы, методологии и терминологии. Однако необходим некоторый понятийный и терминологический минимум, без которого невозможно хотя бы элементарное взаимопонимание между специалистами и тем более систематическое изложение основ политической лингвистики.

Один из возможных комплексов базисных понятий и терминов политической лингвистики представлен в настоящем разделе, в первой части которого рассмотрены понятия, связанные с политической коммуникацией, а во второй – понятия, связанные с языковой (лингвоментальной) картиной политического мира.

Политическая коммуникация

Политическая коммуникация – это процесс общения между участниками политической деятельности. Термин *коммуникация* восходит к латинскому *communico*, что означает *делаю общим, связываю, общаюсь*. Современные специалисты называют коммуникацией совместную деятельность по кодированию, передаче и восприятию информации. В коммуникации участвуют две стороны: адресант (говорящий или пишущий) и адресат (слушающий или читающий). Основной способ передачи политической информации – вербальный, то есть с использованием языка, однако существуют и невербальные средства передачи политической информации (изображения, символы, мимика, жесты, позы и др.). В настоящем учебном пособии ведущее место занимает вербальная коммуникация, а поэтому ниже рассматриваются основные понятия и термины, связанные с использованием языка в политической коммуникации.

1. Политический язык. Вопрос о существовании политического языка как особой знаковой подсистемы в составе национального языка является дискуссионным. Некоторые ученые считают, что политическая коммуникация происходит на совершенно особом варианте русского языка, который следует называть именно политическим языком. Сторонники противоположной точки зрения считают, что собственно языковые черты своеобразия политической коммуникации немногочисленны и малозначительны, что они не выходят за рамки грамматических и даже лексических норм русского языка.

На этом основании подвергается сомнению даже само использование термина «язык» по отношению к предмету нашего изучения. И действительно, кажется вполне обоснованным вопрос: можно ли называть «языком» одну из лексико-фразеологических подсистем современного литературного языка? Однако хорошо известно, что в разговорной, научной или официально-деловой речи специфических признаков не меньше, чем в политической речи, а поэтому термин «политический язык» имеет не меньше прав на существование, чем по-прежнему используемые лингвистами термины «официально-деловой язык», «разговорный язык» или «научный язык». Поэтому *политический язык* – это, конечно, не особый национальный язык, а ориентированный на сферу политики вариант национального (русского, английского или иного) языка. В последние годы для того, чтобы избежать нестрогого употребления термина *язык*, многие специалисты предпочитают говорить о специфике «научной речи» или «официально-деловой речи»; соответственно при исследованиях политических текстов часто предпочитают говорить лишь об особенностях политической речи или политической коммуникации.

2. Политический текст. В лингвистике текст – это объединенная смысловой связью последовательность слов (предложений), основными свойствами которой являются связность и цельность. Политический текст может относиться к различным жанрам, он может быть устным (выступление на митинге или в парламентской дискуссии, доклад на партийном съезде, телеинтервью политического лидера и др.) и письменным (передовая или аналитическая статья в газете, листовка, программа политической партии и др.).

Содержательный признак рассматриваемого вида текстов – это отражение в них деятельности партий, других общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных лидеров и активистов, направленного развития (в широком смысле) социальной и экономической структуры общества.

Целевой признак политического характера текста – это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям. Иначе говоря, для политического текста характерна прямая или косвенная ориентированность на вопросы распределения и использования политической власти. Во многих политических текстах содержится изложение фактов и мнений, но такая информация призвана служить еще одним аргументом для убеждения адресата и, в конечном итоге, на его политическую позицию.

Контекст – это фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу (например, слово) и достаточный для определения значения этой единицы в данном тексте. Сама определяемая единица не входит в состав контекста. В одних случаях для правильного понимания смысла того или иного слова достаточно одного предложения, в других – необходимо учитывать значительно более обширный фрагмент текста и даже весь текст. По этому признаку различают узкий и широкий контекст. Некоторые специалисты понимают рассматриваемое понятие очень широко и поэтому используют также термины *политический контекст*, *ситуативный контекст* и *эстралингвистический контекст*, однако представляется, что для обозначения соответствующих понятий лучше использовать другие термины (*политический дискурс*, *политический нарратив*), о которых будет сказано ниже.

3. Политическая речь. В лингвистике речь (речевая деятельность) – это процесс использования языка, результатом речевой деятельности является создание текста. Соответственно политическая речь – это использование общенародного языка в процессе создания политического текста. Специфика политической речи определяется ее содержанием и проблематикой (распределение власти между государствами, в государстве и в его структурах), функциями (воздействие на политическую картину мира адресата, эмоциональное воздействие на адресата, склонение адресата к тем или иным действиям), идеологической обусловленностью при отборе и употреблении лексики и иных элементов, а также использованием характерных для этого вида деятельности коммуникативных стратегий и тактик.

В тех случаях, когда необходимо подчеркнуть участие в речевой деятельности не только адресанта (то есть говорящего или пишущего), но и адресата (то есть слушающего или читающего), часто используется термин «политическая коммуникация».

В политической коммуникации в отличие от бытовой или художественной субъектом и адресатом речевой деятельности во многих случаях является не человек как частное лицо, а человек как представитель определенной политической организации или властной структуры. Например, многие политические документы формально как бы не имеют автора и обнародуются от имени организации, государственной структуры; соответственно речь, написанная референтом, воспринимается и анализируется как речь президента, а многие политические документы подписываются не их реальным составителем, а руководителем политической организации или властной структуры.

4. Стиль политического языка. Стиль политического языка (политический языковой стиль) – это речевые особенности использования национального языка, присущие определенному политику, определенной политической партии или организации.

Особенности политического языкового стиля могут быть связаны с предпочтением, отдаваемым самым различным языковым средствам. Например, специалисты сравнили тексты интервью, которые давали журналистам ведущие политики современной России. Было выяснено, что самыми многословными были ответы М.С. Горбачева, а самыми краткими – ответы Б.Н. Ельцина. Президент М.С. Горбачев нередко использовал книжные небытословные слова иностранного происхождения, а в речи действующего Президента России иногда встречаются жаргонные слова и выражения.

Во многих случаях специалисты рассматривают не языковые особенности отдельных политиков, а способы выражения, характерные для типичных представителей тех или иных политических партий. Например, отечественные выразители либеральных ценностей (Б. Немцов, И. Хакамада, Е. Гайдар) максимально активно используют заимствованные политические термины, тогда как представители национально-патриотических сил во многих случаях предпочитают традиционно русские обозначения.

В современной отечественной политической лингвистике активно ведется изучение как стилистических особенностей политических партий, так и идиостилей отдельных политиков.

5. Политическая сфера коммуникации и ее разновидности. Вопрос о принципах выделения сфер коммуникации, об их соотношении со сферами использования традиционно выделяемых функциональных стилей и о самом количестве таких сфер относится к числу дискуссионных. Несомненно только, что выделяемые в современной лингвистике сферы коммуникации лишь частично соотносятся со сферами использования тех или иных функциональных стилей.

К числу ведущих сфер коммуникации, помимо политической, относятся следующие: финансовая, юридическая, производственная, медицинская, научная, педагогическая, религиозная, бытовая, сфера массовой информации и сфера искусств. Эти сферы противопоставлены друг другу по целям общения: в политической сфере целью является борьба за власть, в юридической – регулирование правоотношений, в финансовой – учет и распределение, в научной – выявление законов организации и развития природы, человека и общества, в педагогической – социализация личности и др.

Субъектом деятельности в политической коммуникации является человек как гражданин, как представитель политического объединения или государственного органа; субъектом коммуникации может быть и исключительно политическое объединение или государственный орган. В финансовой сфере субъектом коммуникации являются продавец или покупатель (это может быть частное лицо, организация или представитель этой организации). Соответственно в юридической сфере осуществляется коммуникация между органами власти, организациями и физическими лицами (но закон строго определяет возраст, состояние здоровья и другие условия юридической дееспособности человека). В религиозной сфере человек общается с Богом и его «представителями» на Земле.

Как известно, в современной функциональной стилистике выделяется пять основных функциональных стилей (функциональных типов) речи – научный, публицистический, официально-деловой, разговорный, художественный (М.Н. Кожина, Д.Н. Шмелев и др.). Исследуемые в политической лингвистике тексты, как правило, относятся к публицистическому или официально-деловому стилю. Специальные наблюдения показывают, что научное или художественное описание политических событий, бытовые разговоры «о политике» строятся по иным стилистическим законам, чем политические тексты в официально-деловом и публицистическом стилях. Поэтому художественные, бытовые и научные тексты политической тематики можно отнести лишь к дальней периферии политической речи.

В зависимости от того, кто и для кого создает тексты, целесообразно различать следующие разновидности (уровни, подсферы), относящиеся к ядру политической коммуникации:

1) Аппаратная (служебная, внутренняя, бюрократическая) политическая коммуникация, ориентированная на общение внутри государственных или общественных структур. Такая коммуникация предназначена только «для посвященных», формальным признаком соответствующих текстов нередко служат грифы «секретно», «для служебного пользования». Несанкционированная «утечка» такой информации может служить причиной служебного расследования.

2) Политическая коммуникация в публичной политической деятельности. Подобная коммуникация является формой осуществления профессиональной и общественной деятельности политических лидеров и активистов; в качестве адресата здесь выступают самые разнообразные слои населения. Наиболее яркие примеры такой деятельности – это предвыборная агитация, парламентские дебаты (особенно если депутат надеется, что его выступление станет известно избирателям), официальные выступления руководителей государства и его структур, рассчитанные на массовую аудиторию.

3) Политическая коммуникация, осуществляемая журналистами и при посредстве журналистов. Такая коммуникация также рассчитана на массовую аудиторию; примерами могут служить интервью, аналитическая статья в газете, написанная журналистом, политологом или политиком (часто при помощи специалиста по СМИ). Журналисты в рассматриваемом случае привлекают внимание аудитории к проблеме, предлагают пути ее решения, сообщают об отношении к ней политических организаций и их лидеров, помогают политикам в решении их задач. Политически неактивные граждане воспринимают политическую информацию преимущественно в том виде, как она предстает в СМИ.

4) Политическая речевая деятельность «рядовых» граждан (не профессионалов в области политической коммуникации), которые участвуют в митингах, собраниях, демонстрациях. Такие коммуниканты обычно воспринимаются как своего рода представители «народа», избирателей, «трудящихся» или каких-то групп граждан, связанных профессией, возрастом, местом проживания и др.

Иногда в качестве особого уровня выделяют парламентскую и переговорную коммуникацию. Возможна и иная точка зрения: публичные выступления в парламенте можно считать разновидностью публичной политической деятельности, а закрытая для публики работа в комитетах очень близка к аппаратной коммуникации. Разновидностью последней можно считать и коммуникацию в процессе переговоров.

6. Жанры политической речи. Каждой коммуникативной ситуации в политической речи соответствует свой корпус жанров. Различают политические жанры устной речи (выступление на митинге, доклад, беседа, дебаты, интервью и др.) и жанры письменной речи (программа, листовка, газетная статья, письмо политическому лидеру и др.). Жанр – это важное средство индивидуализации текста, его соотнесения с условиями речевой деятельности. Для каждого жанра существуют строгие правила организации текста.

В зависимости от функции различаются ритуальные жанры (инаугурационное обращение, приветственное слово и др.), ориентационные жанры (доклады, указы, договоры,

соглашения), агональные жанры (лозунг, листовка, выступление на митинге, речевка) и информативные жанры (газетная информация, обращения граждан к политикам или в СМИ).

По объему информации среди жанров политической речи различаются малые (лозунг, слоган, речевка), средние (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.) и крупные (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др.).

В зависимости от цели высказывания в политической коммуникации различают информативные, оценочные и императивные жанры. Показательно, что информация, оценка и императив могут присутствовать в одном и том же тексте. Например, в агитационной предвыборной листовке обычно содержится информация о кандидате, его положительная оценка и призыв оказать ему доверие. Вместе с тем существуют тексты, в которых заметно преобладает один из названных выше жанровых признаков. Примером преимущественно информативного жанра могут служить автобиографические книги политических лидеров.

Ярким примером императивности могут служить лозунги, широко использовавшиеся в советском политическом языке. Лозунг – это фраза, которая в краткой и яркой форме передает руководящую идею, актуальную задачу или требование. Хороший лозунг, как правило, отличается эстетической организацией формы, для чего используются метафоры, эллипсис, анафора, лексический повтор, синтаксический параллелизм и другие средства выразительности. В истории политической коммуникации навеки останутся лучшие (с точки зрения мастерства их создателей) советские лозунги: «Мы – не рабы, рабы – не мы», «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!», «Пятилетку – в четыре года!», «Профсоюзы – крылья советов!», «Партия – наш рулевой», «Экономика должна быть экономной».

Современные специалисты по организации политических кампаний предпочитают использовать не традиционные обозначения «лозунг» и «призыв», а пришедшее из английского языка слово «слоган». При этом иногда пытаются обнаружить некоторые смысловые различия между рассматриваемыми идеологемами. Например, дифференциация слогана и лозунга может быть ориентирована на разграничение коммунистической и либеральной пропаганды. Кроме того, анализ специальной литературы показывает, что слово «слоган» часто используется как общее наименование для любой яркой, запоминающейся фразы (или ее компонента), в том числе такой, которая не является собственно лозунгом, то есть не передают основную идею, а просто привлекают внимание к лозунгу или закрепляют его в сознании. К числу таких «слоганов-нелозунгов» специалисты по теории рекламы причисляют заголовки, завершающие текст эхо-фразы, саунд-байты. Примером саунд-байта может служить фраза, которую президент США Буш-старший часто повторял, предваряя особо важную часть своей речи: «Следите за моими губами».

Хороший слоган легко и прочно запоминается. Ярким примером могут служить некоторые зарубежные слоганы *Лейборизм не работает* (Великобритания, консерваторы). *Социализм слишком дорог* (Австрия, правые). *Сердце всегда будет биться слева* (левые, Франция). *Большинство получит большинство* (центристы, Франция). Удачные слоганы появились в последние годы в России: *Голосуй или проиграешь! Выбирай сердцем!* (Б. Ельцин). *Ваша судьба – в ваших руках* (Г. Зюганов). *Нам здесь жить* (Е. Дарькин). *Наш дом Россия: Не допустим революций* (В. Черномырдин). *Не за награды... Могу, значит должен* (А. Лебедь). *Не дай Бог* (против Г. Зюганова). *Не граждане для государства, а государство для граждан* (Г. Явлинский). *Кто в лесу хозяин? Медведь* («Единство»).

Слоган может быть предъявлен автономно (например написан на транспаранте или даже на заборе) и в составе текста (например, в листовке, телепередаче или газетной статье). В последнем случае он должен быть выделен шрифтом, цветом, месторасположением и/или другими средствами. Это позволяет слогану реализовать свои основные функции: привлечь внимание, вызвать интерес, предложить идею, закрепить ее в сознании адресата.

7. Политический дискурс. Важнейший для политической лингвистики термин «дискурс» не имеет до настоящего времени единого определения. Как показывает Патрик Серю (1999), во французской лингвистике термин *дискурс* может обозначать и речевую

деятельность, и текст, и контекст, и высказывание в его взаимосвязях с коммуникативной ситуацией. Похожая ситуация существует и в российской науке: дискурс определяется как «текущая речевая деятельность в данной сфере», «творимый в речи связный текст», «завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и в определенных социокультурных условиях общения». Как показывают специальные обзоры, в современной науке не существует единого понимания и видового термина «политический дискурс».

Представляется, что нет необходимости использовать термин «дискурс» для обозначения понятий, за которыми в лингвистике уже давно закрепились устойчивые названия. Едва ли есть смысл называть дискурсом контекст (как фрагмент текста), текст, нарратив (а также какое-либо иное объединение текстов) или речевую деятельность. В современной лингвистике дискурс обычно трактуется как более широкое понятие. Так, по определению Т.А. ван Дейка, дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие» (Дейк 1989, с. 46). Преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. По словам Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова, дискурс – это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» (1989, с. 8). По образному выражению Н.Д. Арутюновой, дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» (1998, с. 137).

Политическая «жизнь», определяющая восприятие текста, максимально многообразна. Поэтому в содержание **политического дискурса** должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи. К числу этих компонентов относятся другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, представление автора об адресате, политическая ситуация, в которой создается и «живет» данный текст.

Изучение политического текста и его элементов в дискурсе – это прежде всего исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов. Многие ученые считают, что «текст» – это понятие собственно лингвистическое (высшая единица синтаксиса), а термин «дискурс» имеет лингво-социальный характер, это предмет исследования лингвокультурологии, социолингвистики, политической лингвистики.

В необходимых случаях выделяют специфику митингового или парламентского дискурса, регионального или федерального дискурса, фиксируют особенности дискурса конкретной избирательной кампании или определенного этапа развития политического языка. Например, выражение *митинговый дискурс* обозначает разновидность политического дискурса, в котором на содержание и оформление текстов оказывает воздействие политическая коммуникативная ситуация «митинг», участники митингов вольно или невольно ведут себя именно так, как это принято в соответствующей ситуации, выступления на митинге строятся иначе, чем выступление в парламенте или партийном форуме. При необходимости специалисты изучают также коммуникативные ситуации, в которых политический дискурс взаимодействует с дискурсом иной коммуникативной сферы (религиозным, юридическим, военным и др.).

Тема 3

Типовые свойства, дискурсивные характеристики и функции политической коммуникации **Типовые свойства политической коммуникации**

Речь политика должна обладать множеством, казалось бы, противоречащих друг другу качеств. Она должна быть понятна всем, и в то же время некоторые ее детали должны уловить

только «посвященные». Политик должен говорить именно так, как требует его статус и ситуация, и вместе с тем выражать собственную позицию. Слова политика должны быть концентрированным выражением мнения его избирателей, и вместе с тем он должен выражать собственную точку зрения, оказывать влияние на политические настроения в обществе. Политик должен уметь решительно отстаивать свою точку зрения и вместе с тем он обязан быть толерантным к иным воззрениям.

Изучение закономерностей политической коммуникации позволяет выделить следующие ее типовые свойства, представленные в виде своего рода антиномий - противоречивых тенденций, каждая из которых в той или иной мере отражает сущность объекта.

1. Ритуальность и информативность политической коммуникации. Казалось бы, политические тексты должны быть максимально информативными, то есть реализующими коммуникативную функцию, передающими новую информацию, однако политическая коммуникация нередко оказывается ритуальной, то есть такой, для которой характерны фиксированность формы и отсутствие установки на новизну содержания. Например, в публичном политическом дискурсе советской эпохи существовали освященные традицией правила политической коммуникации: всем посвященным было известно, кто, что, когда и в какой форме должен сказать, а также кто и как должен отреагировать на слова выступающего (бурные аплодисменты, просто аплодисменты, выступления в прениях, последующая организация собраний для выражения поддержки и др.). Типичный пример ритуальной политической коммуникации - партийный съезд или сессии Верховного Совета периода развитого социализма. Программы таких форумов были заранее тщательно спланированы, а делегаты и депутаты превращались в участников грандиозного спектакля.

Основная задача публичной ритуальной коммуникации – фиксация своей приверженности существующим правилам и подтверждение своей социальной роли; с этой точки зрения ритуал противопоставлен диалогу как свободному обмену мнениями. Вместе с тем политические функционеры и журналисты «советской школы» гордились своим умением «в рамках дозволенного» и со ссылками на классиков марксизма поставить сложнейшую проблему, то есть превратить ритуальную коммуникацию в информативную.

Представляется, что современная политическая коммуникация часто бывает не менее ритуальной, чем в советские времена, но сейчас изменились ритуальные правила и соответствующие им роли. Современный ритуал – это исполнение ролей «народного заступника», «поборника прав человека», «патриота», «центриста», «рыночника», «ортодоксального коммуниста», активиста движения зеленых и др. Например, если намечается строительство нефтепровода для экспортных операций, то можно заранее предположить, что одни политики будут говорить о загубленной природе, другие – о распродаже сырьевых ресурсов и превращении России в сырьевой придаток Запада, третьи – о выгодах экономического сотрудничества, а четвертые – о том, что полученные за проданную нефть деньги все равно разделят бюрократы и олигархи, а народ останется обездоленным.

Если в советский период, когда официально существовала лишь одна политическая партия, ритуальная коммуникация была информативно ориентирована на поддержку властных структур, то современный ритуал имеет критическую направленность. При оценке едва ли любого действия правительства правая оппозиция характеризует его как ущемляющее права личности и экономическую свободу, а левая (национал-патриотическая и коммунистическая) – как противоречащее национальным традициям, ведущее к разграблению государства и обнищанию народа, очередной шаг к отказу от социальных завоеваний советской эпохи. Иначе говоря, ритуал стал, во-первых, иным, во-вторых – более разнообразным.

Ритуальность может проявляться в различной степени: существуют ситуации, когда политическая коммуникация абсолютно ритуальна, но во многих других случаях ритуальность минимальна и коммуниканты стремятся сделать свое выступление нестандартным по форме и максимально информативным по содержанию.

2. Институциональность и личностный характер политической коммуникации. В социолингвистике разграничивают два ведущих вида дискурса: персональный (личностный) и

институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность, со всеми присущими ей индивидуальными характеристиками и особенностями.

Во втором случае говорящий выступает как представитель определенного социального института и как носитель определенного социального статуса, что предопределяет соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм. Такое общение – это «коммуникация в своеобразных масках» (В.И. Карасик), за которыми скрываются личностные качества.

Политическая коммуникация преимущественно институциональна: это означает, что общение происходит не столько между конкретными Иваном Петровичем и Василием Сидоровичем, сколько между представителем одного социального института (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета и т.п.) и представителем другого социального института или «гражданином», «избирателем». В каждом социальном институте существует определенный стандарт поведения, в том числе речевого. Соответственно принадлежность человека к каждому социальному институту предопределяет соблюдение им правил поведения, существующих для каждой формы политического коммуникативного взаимодействия (митинг, парламентская полемика, работа в парламентских комитетах, интервью, встреча с избирателями, поздравление, награждение и др.).

В институциональном общении, в отличие от личностного, жестко зафиксирован статус каждого коммуниканта (избиратель, депутат, представитель общественной неполитической организации, лидер партии и др.), его политическая роль (например, представитель правящей партии, представитель конструктивной или непримиримой оппозиции, государственный служащий определенного ранга).

Социальный институт предопределяет строгую систему целесообразно ориентированных стандартов поведения в тех или иных ситуациях, и эти стандарты имеют иной характер, чем при личностном общении. Например, если политическое обращение адресовано «Министру образования Российской Федерации Владимиру Филиппову», то ответить на него в той или иной форме может не только сам министр, но и его заместитель, поскольку в данном случае социальный статус важнее личностного. Совсем иначе обстоит дело в личностной коммуникации: на личное письмо родственников к Владимиру Филиппову в каких-то ситуациях от имени семьи может ответить жена или сын министра, но этого не будет делать его заместитель.

В каждом языке существуют специальные языковые средства, сигнализирующие об институциональном или личностном характере коммуникации, о ситуации и о социальных ролях коммуникантов. Например, в русской речи очень показателен выбор обращения: в зависимости от ситуации политический лидер обращается к «дорогим товарищам», к «господам», к «россиянам», к «соотечественникам» или к «уважаемым избирателям». При личностной коммуникации возможно обращение по сокращенному имени, по отчеству (без имени), а также общение с использованием местоимения «ты». В политической коммуникации постоянно наблюдается взаимодействие: устранение личностного начала превращает участников институционального общения бездушных роботов, однако существует грань, выход за которую воспринимается как нарушение существующих норм.

Уровень институциональности сокращается в жанрах, совмещающих признаки публицистического, личностного и политического дискурса, особенно в тех ситуациях, когда политические проблемы отражаются в средствах массовой информации с использованием специальных жанров (репортаж, фельетон, колонка обозревателя и др.). Вместе с тем во многих случаях даже политики стремятся сделать свое выступление более естественным, приближающимся по своим внешним признакам к бытовому диалогу. Примером может служить следующий фрагмент из парламентского выступления писателя-депутата Чингиза Айтматова:

«Вот здесь сидит мой друг Алесь. Я к Адамовичу обращаюсь. Мы с тобой, Алесь, старые друзья, мы с тобой понимаем друг друга с полуслова... Поэтому не время сейчас, Алесь дорогой, терзать собственные души и вводить какую-то смуту...»

Такое построение речи производит впечатление особой доверительности, искренности, позволяет сказать больше, чем это позволяет официальная обстановка.

3. Эзотеричность и общедоступность политической коммуникации. Политические тексты, казалось бы, должны быть максимально доступными для адресата, политики постоянно говорят о своей близости к народу, о выражении его интересов. Чтобы народ поддерживал ту или иную политическую партию, речь ее лидеров должна быть по меньшей мере понятна избирателям. Однако в действительности многие политические тексты являются в той или иной мере эзотеричными. Эзотеричность коммуникации – это ее доступность только для специалистов, для людей, способных почувствовать в ней скрытый смысл, подтекст, для которых важно не только то, что сказал политик, но и то, как он это сказал и о чем он умолчал.

В некоторых исследованиях, посвященных русскому политическому языку советского периода, эзотеричность представляется как типичное свойство лишь советского «новояза». Это не совсем верно: эзотеричность в несколько иной форме присутствует и в современном российском политическом дискурсе, она легко обнаруживается и при анализе зарубежных текстов.

Следует различать эзотеричность и смысловую неопределенность высказывания. При эзотеричности смысл понятен хотя бы специалистам, при неопределенном ответе участник диалога вообще не предоставляет запрашиваемую информацию или предоставляет ее в неполном виде. Существуют стили и жанры речи, где важнейшим требованием к манере изложения является смысловая точность, а неопределенность высказывания считается его серьезным недостатком. Например, авторы научных текстов ради точности готовы пожертвовать красотой слога. Совершенно иначе обстоит дело в политической речи, где красивый лозунг часто оказывается более эффективным, чем самая тщательная рациональная аргументация.

По словам знаменитого французского министра иностранных дел князя Талейрана, слова используются дипломатом для того, чтобы скрывать свои мысли. Этот афоризм в значительной степени относится и к политикам, которые просто обязаны уметь отвечать на каверзные вопросы, не разглашая конфиденциальной информации и не давая повода для упреков.

Политические лидеры во многих случаях вынуждены изъясняться в максимально обобщенной форме, употреблять слова и выражения, которые различные адресаты понимают по-своему. Например, призывы М.С. Горбачева к перестройке были поддержаны подавляющим большинством населения страны, в том числе Центральным Комитетом КПСС, во многом потому, что первоначально не были конкретизированы цели перестройки и пути ее осуществления.

Существуют политические понятия и лозунги с максимально обобщенным содержанием. Так, призывы к свободе, демократии, социальной справедливости, патриотизму готовы поддержать все крупные политические партии в цивилизованных странах, но многие из этих партий по-своему объясняют сущность политической свободы, демократии, социальной справедливости и патриотизма. Например, советские руководители уверяли весь мир (и, возможно, сами в это верили), что Советский Союз – это самая свободная страна в мире, но в выступлениях многих зарубежных лидеров говорилось о поработанных народах России. Возможности различного понимания смысла одних и тех же слов создают условия сокрытия подлинного смысла политического текста.

4. Редукционизм и полнота информации в политическом тексте. Реальная политическая действительность редко может быть объективно охарактеризована с использованием только черных и белых красок. В деятельности любой партии можно найти как достижения, так и неудачи, среди партийных лидеров встречаются не только кристально чистые и чрезвычайно талантливые люди, но и политики с изъянами в моральной, деловой или волевой сфере. В прошлом нашей страны были и блестящие победы, и обидные неудачи. Однако в политической коммуникации, особенно в периоды обострения политической борьбы, нет места детальному объективному анализу. Особенно показательны тексты, созданные в периоды избирательных кампаний. Один и тот же кандидат в депутаты изображается то безупречным рыцарем со светлой головой и большим опытом, то преступником, рвущимся к власти в корыстных целях и не способным осознать, какую ответственность он пытается взвалить на свои слабые плечи. В одних публикациях советское прошлое нашей страны предстает как сплошной ГУЛАГ, а в других – как победный марш энтузиастов, руководимых мудрыми вождями. Рассматриваемую особенность

политической коммуникации называют редукционизмом политического дискурса, бинарностью ценностных оппозиций или схематизацией политической коммуникации.

Редукционизм – естественная черта политической коммуникации. Политическая речь рассчитана на массового адресата, в идеале текст листовки, предвыборный слоган и другие подобные материалы должны быть понятны всем читателям. Между тем еще древние риторы говорили, что излишняя детализация способна затуманить суть проблемы, особенно в сознании малоподготовленного человека. Хорошо известно, что в науке и искусстве вопрос об истинности теорий и гениальности их создателей не должны решаться голосованием, особенно если в таком голосовании примут участие профаны. В политике судьбоносные для государства решения принимаются как раз путем всеобщих выборов, большинство участников которых не являются профессиональными политиками.

Степень редукционизма в значительной степени зависит от жанра текста, его автора, адресата и политической ситуации. Максимальная степень редукции характерна для малых жанров (слоган, тезисы, листовка, плакат); предполагается, что максимально взвешенным и многоаспектным изложение должно быть в аналитических материалах для внутрипартийного пользования. Степень редукционизма выше в текстах, ориентированных на массового адресата, и ниже в текстах, предназначенных для специалистов. Редукционизм политической коммуникации особенно усиливается в периоды обострения политической борьбы. Замечено, что наиболее категоричны в своих высказываниях политики крайне левых и крайне правых взглядов.

Редукционизм проявляется в политической коммуникации самых различных стран, но, возможно, он особенно характерен для России. Академик Д.С. Лихачев справедливо отмечал такие черты русского менталитета, как тенденция к крайностям, к биполярному черно-белому мышлению, нелюбовь к компромиссам. В нашей политической жизни это проявляется в виде однозначных характеристик: свой или чужой, правильный или неверный, хорошо или плохо, патриотизм или космополитизм, а это лишает характеристики оттенков и нюансов.

5. Стандартность и экспрессивность в политической коммуникации. Три десятилетия назад В.Г. Костомаров выделил как основную черту газетного языка постоянное взаимодействие экспрессии и стандарта. Подобное свойство характерно и для политической коммуникации.

Экспрессивность высказываний предполагает максимальное использование выразительных средств, что делает восприятие текста интересным для адресата, придает тексту эстетическую значимость. К числу выразительных средств относят разнообразные стилистические фигуры (антитеза, инверсия, эллипсис, сравнение и др.), средства экспрессивного синтаксиса, окказиональные слова, трансформация фразеологизмов и др. Сюда же относятся метафорические и метонимические обозначения, особенно в тех случаях, когда наблюдается яркая образность, необычность словоупотребления.

Стандартность высказываний обеспечивает их доступность для самого широкого круга читателей и слушателей: при восприятии текста с высокой степенью стандартности людям не надо тратить много усилий для уяснения смысла. В подобных текстах используется преимущественно общеупотребительная высокочастотная лексика; стандартность предполагает также преимущественное использование слов именно в тех значениях, которые зафиксированы толковыми словарями. К числу рассматриваемых средств относятся также «стертые», потерявшие образность метафоры, превратившиеся в штампы. Тексты, насыщенные подобными средствами и лишенные выразительности, часто воспринимаются как «серые, «безликие», малоинтересные.

Соотношение экспрессии и стандарта на разных этапах развития политической коммуникации может быть неодинаковым. Так, среди типичных признаков советского «новояза» называли его высокую стандартизованность и осторожное отношение к использованию выразительных средств.

Для современного политического языка характерно противоположное соотношение экспрессии и стандарта: мы живем в период высокой степени экспрессивности политической коммуникации, это особенно относится к текстам, создаваемым левыми и правыми экстремистами. Примером может служить следующий отрывок из интервью В. Цепляева с депутатом Государственной Думы журналистом Александром Невзоровым:

- *Когда говорят о возрождении России, я немножко холодею. Какую именно Россию возродить? Не было ни одного века, ни одного десятилетия, когда бы Россия не занималась пожиранием своих граждан.*

Нам вообще противопоказан порядок. Это главный враг экономики России. Ведь наш бизнес по сути дела тот же Раскольников. У него еще с топора капает, а к нему уже лезут с НДСом по поводу отобранных у процентщицы побрякушек. Ну дайте вы человеку отдышаться, топор вытереть, пересчитать добытые драгоценности. А потом приставайте!

- *Но ведь Путин – олицетворение идеи порядка, государственник. Вы поддерживаете его, но против порядка?*
- *Я просто объясняю, что порядок для нас губителен. В России это либо опричнина, либо лагеря, либо управдомы-стучачи. А то, что Путин наводит порядок... Слава богу, на 95% это имитация. По-моему, президент тоже подозревает, что порядок в экономике может ее удушить. Путин получил страну, чуть-чуть подвытащенную Ельциным из полной задницы. Чем больше будет государственности, тем скорее мы вернемся обратно.*

Важно подчеркнуть, что сами по себе стандартизированность или экспрессивность политического текста не должны оцениваться как положительные или отрицательные качества: вполне стандартные выражения есть даже в только что процитированном тексте (*возрождение России, олицетворение идеи порядка* и др.), элементы экспрессивности присутствовали даже в докладах Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Разным может быть только соотношение между стандартностью и экспрессией, что зависит от политической эпохи, жанра, индивидуальности автора и множества других дискурсивных характеристик.

Диалогичность и монологичность политического текста.

Современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими людьми, текстами и культурами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов. Политическая речь диалогична по своей природе, она ориентирована не столько на самовыражение, сколько на воздействие. Политик, в отличие от литератора, не может писать только «для избранных», «для интеллектуалов» и с презрением отвергать «чернь». Талантливый политик способен вступать в диалог со всеми слоями общества.

Существуют, по меньшей мере, три ведущих формы диалогичности. Первая из них – это собственно диалогичность, при которой в создании текста участвуют несколько говорящих. Показательно, если советские лидеры предпочитали монологический стиль общения и постоянно выступали с длинными речами и докладами, то современные политики значительно большее внимание уделяют речевому общению в виде бесед, интервью, пресс-конференций или дебатов со своими политическими оппонентами.

Вторая форма диалогичности – это диалоги «на расстоянии»: в этом случае политический лидер отвечает на заранее присланные вопросы или комментирует высказывания иных политиков, дает оценку существующим точкам зрения. Диалог становится более престижным, а поэтому диалогичные по форме фрагменты все чаще встречаются в устных и письменных монологических текстах (публицистических книгах, предвыборных программах и др.).

Третьей формой диалогичности политической речи является интертекстуальность, представляющая диалог культур во времени и пространстве. Современный политический текст часто оказывается насыщенным множеством скрытых и откровенных цитат, реминисценций, аллюзий, метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе, с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры. Использование в тексте прецедентных культурных знаков делают изложение более интеллектуальным, формируют новые смыслы, вводит текущие события в общеисторический и культурный контекст. Эти культурные знаки позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку.

Рассмотрим с точки зрения интертекстуальности следующий фрагмент из написанной Александром Прохановым передовой статьи газеты «Завтра» (2003, № 11).

Страна, как в обморок, впадает в очередные думские выборы. Лицо Вешнякова все больше напоминает «веселого Роджерса». Эстрадные певцы, вошедшие в партию «Единство», похожи на «людей Флинта, поющих песенки». Пустота проправительственного блока – это гулкая пустота склепа, откуда вынесли покойника и где валяется поношенная жилетка Черномырдина. На ней по-турецки уселись Грызлов, Лужков, Морозов, Шойгу, а также несколько малоизвестных подземных гномов, обычно населяющих пустые могилы...

Только коммунисты способны внятно обратиться к народу, обещая ему не памперсы, сникерсы, ночные клубы и дискотеки, а великие труды, грандиозные стройки, колоссальное напряжение и в итоге – Русскую Победу. «Большой проект» вернет нас в развитие, когда бездельничающее, безработное, истосковавшееся по делу население станет строить трансконтинентальные дороги, океанские порты, осваивать «северные» и «южные» пути, изобретать технологии, высаживаться на планетах, создавать шедевры искусства и вооружения.

Мобилизация народа неизбежна. Дух не может дремать бесконечно. Россия грезит вождем. Он будет велик, прозорлив и добр. Будет Сталиным и Сергеем Радонежским, Петром Великим и Николаем Федоровым. Пушкиным и Королевым. Он среди нас. Ищите его по нимбу вокруг головы.

Внимательный читатель легко обнаружит в рассматриваемой статье и несколько трансформированные строчки знаменитой «Бригантины» Михаила Светлова, и прецедентные имена, и символы прецедентных ситуаций (в первую очередь ситуации «строительства социализма» и ее составляющих), и прецедентные метафоры.

Каждый прецедентный феномен в тексте – это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений и вместе с тем показатель интеллектуального уровня автора и его оценки возможностей адресата. Творческая индивидуальность автора, автономность текста проявляются в удачном отборе элементов интертекстуальности, в умелом отборе самых компонентов из предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

Дискурсивные характеристики политической коммуникации

Всякий политический текст должен оцениваться только в дискурсе, то есть с учетом конкретных условий его создания и функционирования. В этом отношении велика роль авторства текста и его адресности, а также намерений автора, которые проявляются в используемых коммуникативных стратегиях и тактиках. Важным элементом дискурса является соотношение данного текста с множеством других текстов, ориентированных на описание одних и тех же событий. Дискурсивные характеристики политических текстов изначально существенно отличаются от подобных характеристик иных текстов – научных, художественных, медицинских или педагогических. Рассмотрим ведущие дискурсивные характеристики в политической коммуникации.

1. Авторство политического текста. В истории литературы известны факты несоответствия официального автора текста и его подлинного создателя. Создатель текста, не желая выдавать или официально признавать свое авторство, может выступать под псевдонимом, представлять оригинальный текст как перевод, называть автором своего героя. Известны и случаи, когда писатель (например, Александр Дюма) или человек, мечтающий о литературной славе, представляет себя как автора произведения, хотя в действительности он является только соавтором, редактором или заказчиком текста. Однако на современном этапе развития литературы в абсолютном большинстве случаев официальный автор текста и есть его подлинный создатель, права автора защищены законом, и человек, дорожащий своей репутацией, никогда не согласится поставить свою подпись под чужим текстом.

Совершенно иные отношения между текстом и его создателем существуют в политическом дискурсе, где автором текста обычно считается тот, кто берет на себя ответственность за него. В штате крупного политического лидера, как правило, есть специалист по написанию для политика речей и других текстов. Политическое послание президента или другой важный документ по заданию руководителя может готовить большая группа специалистов, но, озвучивая или подписывая текст, президент берет на себя ответственность за его содержание. Получателей

текста интересует мнение президента, а не его помощников. И возможная критика содержащихся в документе положений и оценок, а также способов их выражения будет адресована президенту, а не его помощникам.

Многие политические документы формально вообще не имеют автора и обнародуются от имени государства или его структур, политических организации и движений (Конституция страны, устав партии или ее программа). Соответственно ответственность за содержание этих документов берут на себя правительство, парламент, политическая партия и другие подобные структуры. Формально анонимными часто являются листовки в поддержку кандидатов во время избирательной кампании, лозунги, используемые во время демонстраций, некоторые публикации в СМИ, однако у этих текстов тоже есть создатели и заказчики.

В некоторых политических жанрах принято обозначать не только статусного автора текста, но и других участников его подготовки. Например, при публикации политических мемуаров указываются фамилии лиц, которые осуществляли «литературную обработку», «запись текста» или иным способом «помогали» автору. Впрочем, многие мемуаристы (например, Александр Коржаков, опубликовавший в 1997 году книгу «Борис Ельцин: от рассвета до заката») или совершенно не пользуются услугами литературных помощников, или считают это совершенно излишним не только публичное выражение благодарности, но даже упоминание их фамилий. Иной характер имеет изданная издательством «Вагриус» книга «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» (2000), на второй странице которой указаны авторы – Н.Геворкян, А.Колесников, Н.Тимакова. Преобладающая часть текста в этом издании – это обстоятельные ответы В.В.Путина на вопросы, но поскольку будущий президент не представлен как автор, то он и не несет ответственности за содержание книги.

Итак, в политической коммуникации различают:

- собственно авторские тексты;
- тексты без формального автора;
- тексты со смещенным авторством.

2. Адресность политического текста. Организация политического текста в значительной степени зависит от его адресата. При максимально обобщенно подходе выделяются три основных адресата политических текстов – политические единомышленники, политические оппоненты и «избиратели» (население).

По количественному критерию разграничиваются индивидуальный, групповой и массовый адресат. Специфика политического дискурса заключается в том, что для политической коммуникации (в отличие, например, от медицинской или педагогической коммуникации) наиболее характерен массовый и групповой адресат. В частности на массового получателя информации ориентированы ритуальные жанры (инаугурационное обращение, радиообращение), ориентационные жанры (доклады, указы, соглашения) и агональные жанры (лозунг, рекламная речь). К числу жанров с групповым адресатом относятся обращения, листовки, выступления на митингах, а к числу. Значительно реже встречаются политические тексты с индивидуальным адресатом: сюда относятся, например, телеграммы и письма граждан к политику или в средства массовой информации, а также ответы на эти обращения.

В зависимости от условий различают непосредственное обращение к адресату и коммуникацию с использованием средств массовой информации. В современных условиях к средствам массовой информации обычно относят печать, радио, телевидение и интернет. Их общими признаками являются использование языка, дистанционность коммуникации и использование технических средств тиражирования и распространения информации. Технологические возможности современных СМИ предоставляют широкие возможности для обращения как широкой аудитории, так и к отдельным социальным, профессиональным, возрастным, гендерным и иным группам.

3. Стратегия и тактика в политической коммуникации. Современная лингвистика заимствовала термины «стратегия» и «тактика» из теории планирования военных действий. Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика – это планирование речевой деятельности, отбор принципов, способов и приемов, которые обеспечат достижение успеха. К

стратегии относится планирование в максимально обобщенном виде. В политической коммуникации стратегия ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразования его отношения к тем или иным теориям, событиям, людям.

Стратегию выбирают в зависимости от поставленной цели и существующей ситуации. Например, цель предвыборной кампании для любого кандидата – добиться поддержки избирателей. Опыт показывает, для этого используются либо стратегия восхваления деловых и моральных качеств «своего» кандидата, преимуществ его идеологии, либо стратегия дискредитации в глазах избирателей других кандидатов и выдвинувших их партий. В первом случае акцентируются благоприятные перспективы прихода к власти «правильных» кандидатов, а во втором – избирателей пугают тяжелыми последствиями «неправильного» выбора. Стратегический план может быть ориентирован на преимущественно рациональное воздействие, на обращение к чувствам избирателей или на гармоничное сочетание рациональных и эмоциональных аргументов.

Специальный анализ показывает, что в период избирательных кампаний по выборам Государственной Думы и президента России в 1995/1996 и 1999/2000 гг. центристы и правые использовали преимущественно коммуникативные стратегии дискредитации коммунистов и запугивания избирателей последствиями возвращения к власти левых. Об этом свидетельствуют, в частности, основные слоганы указанных избирательных кампаний: *«Голосуй или проиграешь!»*, *«Выбирай сердцем!»*, *«Борис, я не прав!»* (от имени Г. Зюганова), *«Вера, Надежда, Любовь!»*, *«Если из искры возгорится пламя – звоните 01»*, *«Не допусти красной смуты: Голосуй за Ельцина!»*, *«Только вместе: Голосуй за Ельцина!»*. Выбор именно названных стратегий, возможно, объясняется тем, что они воспринимались как более эффективные, чем восхваление результатов экономической и социальной политики правых или деловых и моральных качеств их лидеров. Социологические опросы показывали, что Б. Ельцин, А. Чубайс, В. Черномырдин уже не имеют былого авторитета среди избирателей.

Коммуникативная тактика – это конкретные способы реализации стратегии. Для реализации одной стратегии могут быть использованы различные тактики. Например, стратегия дискредитации кандидата может быть реализована в тактиках предсказания печальных последствий, к которым может привести его избрание, в оскорблении кандидата, его близких и дорогих для него символов, в демонстрации негативных личных качеств кандидата (лживость, жадность, непоследовательность, некомпетентность, необразованность, несамостоятельность и др.), в нелестных для кандидата отзывах о его лидерских и коммуникативных качествах.

Для реализации коммуникативной тактики используются конкретные коммуникативные приемы (коммуникативные ходы). Например, оскорбление может проявляться в распространении слухов, в навешивании ярлыков, в лжеэтимологическом анализе его фамилии, в использовании специфических метафорических обозначений, в специфических сопоставлениях и др. Примером могут служить разнообразные высказывания редактора газеты «Завтра» Александра Проханова о Борисе Ельцине: *Лучшие врачи мира шунтировали это сердце, но Монстр все равно рухнул с кремлевского престола; Ельцин, по частям доставленный в ЦКБ, в корпус «А», и собранный там заново по схеме «Б», по-прежнему дышит в Кремль сильным гнилым дыханием, отчего в кабинете у Путина хлопает форточка и падает президентский штандарт; Любители и smakователи «клубнички» поставят на книжные полки последние мемуары Ельцина рядом с описаниями походов Чикатило, Асламовой, Лимонова.*

4. Политический нарратив – это совокупность политических текстов разных жанров (листовка, лозунг, митинговая речь, партийная программа, аналитическая статья, телеинтервью и др.), сконцентрированных вокруг определенного политического события. В таком же значении иногда используют термин «сверхтекст» и описательное выражение «комплекс текстов, связанных с конкретной политической ситуацией» (референдум, «путч», выборы и др.). В качестве примера политического нарратива можно привести комплексы разнообразных текстов, связанных с российскими президентскими выборами 2004 года или с кампанией за возбуждение процедуры импичмента президента Б.Н. Ельцина в 1999 году.

Политический нарратив всегда существует в определенной политической ситуации и завершается вместе с изменением ситуации. Для политического нарратива характерны тематическое единство, общность основных «героев» (конкретных политиков, партий и др.), общая событийная канва (литературоведы назвали бы ее сюжетом или фабулой), локализованность во времени (например, политический нарратив «Президентские выборы – 2000» начал свое существование незадолго до официального объявления о назначении выборов, а закончил – вскоре после избрания В.В. Путина в России) и в пространстве (например, для региональных выборов – это регион, для федеральных – страна в целом). Очевидно, что пространственная и темпоральная локализованность нарратива не абсолютна: так последние в XX веке российские президентские выборы обсуждали не только в России и это обсуждение продолжается (преимущественно в научной литературе, в мемуарах) до сих пор, но это уже дальняя периферия рассматриваемого нарратива.

Важнейшие свойства политического нарратива – многоголосие участников политической борьбы, множественность повествователей и соответственно множественность рациональных и эмоциональных оценок. Каждый из повествователей выделяет в своем тексте те или иные события и, возможно, оставляет за пределами своего внимания какие-то иные факты, по-своему структурирует соответствующую событийную канву, создавая тем самым в своих текстах оригинальную политическую картину мира. Каждый из составляющих нарратив текстов имеет те или иные интенции и ориентирован на определенную аудиторию.

Сюжет политического нарратива – это последовательность определенных фактов: например, назначение на март 2000 года выборов Президента Российской Федерации и некоторые предшествующие ему события (уход Б.Н. Ельцина с поста Президента России в последний день 1999 года и последующее исполнение В.В. Путиным обязанностей Президента), выдвижение кандидатов, агитационная кампания, голосование, подведение его итогов, их обсуждение в средствах массовой информации и т.п.

Этот сюжет отражается во множестве текстов, которые созданы кандидатами на пост Президента, членами их «команд» и политическими оппонентами, журналистами без ярко выраженной политической позиции или же поддерживающими одного из кандидатов, политическими аналитиками и др. У каждого из них свой «голос» – своя точка зрения, специфическая рациональная и эмоциональная оценка элементов нарратива (которая способна развиваться вместе с событиями); существуют также коллективные «голоса» – официальные политические оценки, которые создаются от имени партии или иной организации и принимаются как официальные документы. Со временем подобная оценка может стать по существу общенациональной – принятой большинством граждан государства (например, оценка политического нарратива «Великая Отечественная война»).

Определенные типы политических нарративов (например, парламентские выборы) имеют общие черты: в частности, замечено, что во время избирательной кампании особенно обостряются противоречия между партиями, тогда как парламентарии более толерантны к убеждениям коллег. Однако «нельзя войти дважды в одну и ту же воду» – каждый новый политический нарратив (например, российские парламентские выборы 1995, 1999 2003 гг. или президентские выборы 2000 и 2004 гг.) имеет специфические признаки, отражающие характер конкретной политической ситуации. К числу таких признаков относятся следующие: состав «героев» и «повествователей», находящиеся в центре внимания проблемы, стратегия и тактика борьбы, типовые оценки тех или иных фактов и др.

Итак, политический текст существует в определенном политическом дискурсе. Этот дискурс определяет характер авторства в тексте (прямое, смещенное, не выраженное), его адресность, используемые коммуникативные стратегии, тактики и приемы. Политический текст связан многообразными связями с другими текстами, составляющими соответствующий нарратив.

Тема 4 **Лексические характеристики политической коммуникации** **Политическая лексика и фразеология**

Содержание политической речи предопределяет использование в ней специальной группы слов (а также фразеологизмов, составных наименований) – политической лексики (*парламент, депутат, глава администрации, голосование, избиратель, мэр, оппозиция, указ* и т.п.). Следует различать политическую лексику и политологическую терминологию. Политологическая терминология, как и всякая терминология, в полной мере известна только специалистам, она не относится к общеупотребительному словарному фонду и используется только в научных и иных специальных текстах, ориентированных на специалистов по политологии. Политическая лексика – это тематическое объединение общеупотребительных слов, которые должны быть понятны всем (абсолютному большинству граждан).

Политическая лексика постоянно обогащается за счет политологической терминологии: например, еще полтора десятилетия назад такие слова и выражения, как *консенсус, субъект Федерации, харизматический лидер, импичмент, монетизация льгот* были понятны только специалистам. Сейчас эти обозначения стали общеизвестными, то есть произошла деспециализация термина, превращение его в общеупотребительную единицу русской лексико-фразеологической системы.

Одновременно постоянно идет процесс пополнения политической лексики: новые явления в жизни страны закономерно требуют появления неологизмов. Примером могут служить такие неологизмы постсоветской эпохи, как *Федеральное собрание, Федеральный округ, Федеральное агентство*.

С другой стороны, многие общеупотребительные в советскую эпоху слова и выражения (*исполком, советы, партком, ударник коммунистического труда*) уже превращаются в специальные термины политической истории. Вместе с тем вновь актуализировались некоторые слова, которые в советскую эпоху казались связанными с лишь отдаленным прошлым нашей страны или с политической системой иных стран (*губернатор, Государственная Дума, департамент, мэр*). Поэтому границы между политической лексикой и политологической терминологией, между политическими неологизмами и политическими архаизмами достаточно условны: мы не всегда в состоянии определить рубеж, на котором слово становится общеупотребительным или перестает быть таковым, превращается в архаизм или вновь оказывается вполне современным.

В политической речи то или иное слово может приобретать особые смысловые оттенки; нередко ведущим, основным (наименее зависящим от контекста, наиболее частотным) оказывается такое значение, которое в толковых словарях общеупотребительного языка отмечено как вторичное или совсем не зафиксировано. Например, в современной русской политической речи *аграрник* – это прежде всего член аграрной фракции в Государственной Думе (или сторонник этой фракции), а не «специалист по аграрному вопросу» (это значение представлено как единственное в четырехтомном академическом «Словаре русского языка», изданном в 1981 году). Слова *правый* и *левый* в современных политических текстах характеризуют прежде всего политические взгляды, причем сторонники рыночной либеральной экономики в период перестройки считались левыми, а в последнее десятилетие прошлого века их стали называть правыми; соответственно их политические антиподы – приверженцы коммунистической идеологии – сначала в нашей стране назывались правыми, но со временем в соответствии с международной практикой стали именоваться левыми. В качестве еще одного примера можно привести прилагательные *красный, коричневый, розовый* и *зеленый*, которые в современном российском политическом дискурсе обычно характеризуют политические убеждения человека, а не предпочитаемый им цвет. Соответственно в период гражданской войны в России основной «цветовой» оппозицией было противопоставление *красных* и *белых*.

Идеологема. Идеологема – это слово, в значение которого входит идеологический компонент. Следует различать два основных вида идеологем.

В первом случае имеется в виду слово, смысловое содержание которого неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов. Особенно часто эти различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления. Например, в отечественной политической речи на протяжении всего прошлого века были

активны идеологемы *буржуазия, демократия, капитализм, коммунизм, народ, пролетариат, свобода, социализм*. При этом для сторонников марксизма безусловно положительную оценку несли идеологемы *социализм, коммунизм и пролетариат*; соответственно отрицательно оценивались *капитализм и буржуазия*. У их политических оппонентов оценки *социализма, коммунизма и капитализма* были прямо противоположными, а слова *пролетариат и буржуазия* в речи антикоммунистов использовались без оценочных наслоений.

Средствами акцентирования оценочных смыслов нередко была трансформация слов (*коммуняки, дерьмократы, демокрады*), снабжение слова «проясняющим» эпитетом (*так называемые демократы, буржуазная демократия*), употребление слов с обобщающим негативным значением (*тоталитаризм, объединяющий социализм и фашизм*). Этой же цели служит использование антитезы: например, вместо традиционного для советской эпохи противопоставления *коммунизма и капитализма* можно дифференцировать *рыночную и нерыночную* экономику либо *свободную и тоталитарную* экономику.

Понимание одного и того же слова нередко зависит от политических убеждений говорящего. Например, как российские коммунисты, так и их противники связывают свои идеалы с борьбой за счастье *народа*, однако марксисты обычно, говоря о народе, имели в виду только людей физического труда, а для их оппонентов народ – это все жители страны. Непримириемые оппоненты были согласны только в том, что высшая ценность – это *свобода*, но каждый по-своему понимал, что такое *свобода* и как ею пользоваться.

Второй тип идеологем – это наименования, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов, соответствующие наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию. В тоталитарных государствах нередко предпринимаются попытки прямо или косвенно регламентировать использование тех или иных слов и выражений. Например, в русско-советском языке государства, которые были идеологическими союзниками СССР, назывались *странами народной демократии, государствами мировой социалистической системы* или *социалистическим содружеством* (между этими обозначениями существовали некоторые смысловые различия), а диссиденты называли эти страны *советскими сателлитами*. Крестьян, ведущих индивидуальное хозяйство, одни называют *единоличниками*, а другие – *фермерами*.

В речевой практике постсоветской России начали активно использоваться такие идеологемы, как *человеческий фактор, общечеловеческие ценности, стратегия ускорения, новое мышление, стабилизация экономики, оптимизация бюджета, монетизация льгот, правовое государство*. Подобные слова не просто вводят новые понятия или предлагают новые названия уже известным феноменам, но отражают определенные политические взгляды, способствуют идеологическому воздействию на адресата, рождению новых политических мифов. Филологи и политологи нередко называют идеологемы «орудием лжи и обмана», но следует помнить, что в действительности лгут и обманывают не слова, а авторы политических текстов.

Один из способов регламентации использования идеологем – это их толкование в словаре исключительно с позиций правящей партии. Например, человек, изучавший русский язык по изданному в 1935–1940 гг. словарю под редакцией Д.Н. Ушакова, не получал необходимых сведений о понимании слов-идеологем эмигрантами. Регламентация в использовании идеологем часто интерпретируется как проявление «новояза», средства создания некоей иллюзорной действительности (по Дж. Оруэллу). Впрочем, элементы «новояза» (под другими названиями) при желании можно обнаружить и в странах, считающихся образцом демократии. Например, в Соединенных Штатах изменение наименований некоторых политических реалий проходит в рамках кампании по борьбе за «политическую корректность». Идеологемы в том или ином виде используются во всяком обществе, а борьба против идеологем обычно имеет своей целью не их полное устранение, а замену обозначениями с иной политической окраской.

Итак, политическая лексика – это один из наиболее подвижных пластов языковой системы: одни слова и фразеологизмы уходят из активного употребления, на их место приходят другие единицы, в том числе такие, которые ранее активно использовались в общенародном языке. Эти изменения нередко обусловлено стремлением тех или иных политических сил подчеркнуть

принципиальную новизну политической системы: ярким примером подобных процессов могут служить лексико-фразеологические инновации, произошедшие в России после 1917 года, когда на смену монархическим учреждениям пришли Советы. В других случаях политические силы стремятся продемонстрировать преемственность традиций, в результате чего возвращаются прежние названия: подобные процессы происходили в конце прошлого века, когда многие главы регионов вновь стали губернаторами, а парламент, как и в эпоху Николая Второго, стали называть Государственной Думой. С течением времени изменяется состав идеологем, но не изменяется их место в политической коммуникации.

Контрольные вопросы и задания

1. Как соотносятся понятия *политическая лексика* и *политологическая терминология*?
2. Какие специфические значения имеют прилагательные *красный, белый, коричневый, розовый* и *зеленый* в политической коммуникации?
3. Как вы понимаете следующие выражения: *революция роз, революция тюльпанов, цветные революции*?
4. Что такое идеологема? Объясните различия между различными типами идеологем.
5. К какому типу идеологем относятся слова *капиталист, бизнесмен, империалисты, патриот*?
6. Как повлияли социальные изменения в России конца прошлого века на состав политической лексики? Почему некоторые слова превратились в архаизмы (историзмы), тогда как некоторые архаизмы вновь вошли в состав общеупотребительной лексики?
7. Выделите политическую лексику в составе одного из газетных текстов. Проанализируйте эту лексику с точки зрения соотношения между архаизмами (историзмами), неологизмами и общеупотребительными словами.
8. Одних и тех же людей одни называют *экономической элитой* страны, а другие – *олигархами*. Чем это можно объяснить? Какие политические коннотации связаны с этими обозначениями? Относятся ли указанные наименования к числу идеологем?
9. Выявите различия в толковании идеологемы *социализм* в словарях советского и постсоветского периода.

1) *Социализм* – это «1. Первая фаза коммунизма, общественный строй, основой производственных отношений которого является общественная собственность на средства производства в условиях диктатуры пролетариата и уничтожения эксплуататорских классов и при котором осуществляется распределение по труду. 2. Учение о построении такого общественного строя, идущего на смену капиталистическому. 3. Название различных буржуазных и мелкобуржуазных учений о реформе капиталистического общественного строя (Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. Т. IV. М., 1940).

2) *Социализм* – это «1. Первая или низшая фаза коммунизма – общественный строй, который приходит на смену капитализму и характеризуется общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком, планируемым в масштабах всего общества товарным производством и при котором осуществляется принцип: «от каждого по его способностям, каждому по его труду». 2. Учение о построении социалистического общества. 3. С определением. Название различных мелкобуржуазных и буржуазных учений о реформе капиталистического общества на основе уравнительности или сглаживания антагонистических противоречий» (Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 3, М., 1984).

3) *Социализм* – это «1. В марксизме-ленинизме первая или низшая фаза коммунизма – общественный строй, который приходит на смену капитализму и характеризуется общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком, планируемым в масштабе всего общества товарным производством и распределительным принципом «От каждого по его способностям, каждому по его труду». 2. Общественный строй, характеризующийся отсутствием частной собственности на средства производства, всеобщей плановостью хозяйства, неэффективной экономикой, однопартийной системой политической

власти, отсутствием демократических прав и свобод» (Толковый словарь современного русского языка под ред. Г.Н. Складчиковой. М., 2001).

4) *Социализм* – это «социальный строй, в котором основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства и провозглашаются принципы социальной справедливости, свободы и равенства» (Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, изд. 4-е, доп, М., 2001).

Лексико-стилистические свойства современных политических текстов

Одним из следствий социальной революции, которая произошла в России на рубеже XX и XXI веков, стало и существенное преобразование лексики и фразеологии политического языка. Новые явления в политическом дискурсе получили описание в публикациях В.Н. Базылева, Е.А. Земской, В.Г. Костомарова, Л.П. Крыгина, А.К. Михальской, А.П. Чудинова, В.Н. Шапошникова и других специалистов по политической коммуникации. В этих исследованиях отмечаются новые явления в русском политическом языке, в том числе активное использование просторечной и жаргонной лексики, экспансия заимствованных слов, широкое использование аббревиатур. Вместе с тем фиксируется, что в отличие от первых лет советской власти на современный политический язык уже практически не влияют диалекты. Рассмотрим основные группы лексики, определяющие специфику современного политического языка.

1. Просторечная лексика. Заметный лексико-стилистический признак современной отечественной политической речи – это активное использование просторечной (в том числе грубо-просторечной) лексики. Специалисты отмечают, что в постсоветской России значительно понизился порог приемлемости в использовании нелитературной лексики, в том числе вульгарных и бранных слов. Некоторые участники политического процесса, бравировав своей «близостью к народу», позволяют себе выражения, за которые обычных граждан по меньшей мере штрафуют.

К чрезвычайно грубым способам выражения наиболее склонны политические экстремисты, среди которых особенно выделяются несдержанностью В. Жириновский, В. Новодворская, А. Проханов и Э. Лимонов. Ср.: *Эта старая Русь была на самом деле убогая, грязная, жалкая, хуже бедной Индии. Потому она и околела. Дошло и безжизненное государство наше вдруг бомбит Чечню вдоль и поперек, бомбит Дагестан, мочит, и мочит, и мочит (Э. Лимонов). Пускай демократическая общественность подавится своим Нюрнбергским процессом и судом над КПСС. Свободу всем врагам демократии! А то ее друзья угробят подругу на два века вперед (В. Новодворская).*

Вместе с тем в последние годы к использованию грубо-просторечной лексики нередко прибегают также политические деятели и журналисты, которые имеют несколько иную репутацию. Ср.: *Говорят, политика – грязное дело, политика – говно и политики тоже. Но политики разные. Одних, когда опускают в говно, они, чтобы выжить, начинают походить на массу, которая вокруг, растворяются. Другие отбрыкиваются – хотя оно все равно липнет (Б. Немцов. Интервью // Коммерсант-Власть). На же тебе, падла, социализм! У народа достаточно дерьма накопилось (М. Леонтьев. ТВ-центр, На самом деле). А рабочему человеку трудно по одномандатному округу переговорить всех этих юристов, артистов, экономистов. Я вот вижу, как они красиво говорят, но ни хера не делают (С. Мостовщиков. Московские новости). Нацболы? Засранцы они. Да мало ли у нас таких клопов вонючих? У них одна цель – повонять и уйти (Л. Слиска. Аргументы и факты).*

Резко отрицательное отношение к использованию нецензурной и грубо-просторечной лексики не должно переноситься на весь корпус слов, которые имели помету «просторечное» в словарях советской эпохи. Во-первых, в последние годы заметно сдвигаются границы между стилистическими пластами русской лексики и слова, которые еще недавно считались просторечными, могут перейти в разряд разговорных. Границы между названными разрядами иногда почти неразличимы, и словари не всегда успевают их фиксировать. В многовековой истории русского языка можно обнаружить немало случаев, когда просторечное слово становилось сначала разговорным, а затем и стилистически нейтральным.

Во-вторых, стороны в отдельных случаях соответствующее ситуации использование некоторых просторечных по происхождению слов помогает достижению выразительности, служит

специфическим средством отражения эмоционального накала или представления непримиримых противоречий. Для современной политической ситуации характерны резкие столкновения политических позиций, агрессивность поведения и бескомпромиссность в выражении собственной точки зрения. В подобных случаях использование субстандартной лексики иногда воспринимается как единственно возможный способ выражения авторской позиции.

2. Жаргонная лексика. В современной российской политической коммуникации чрезвычайно активно используется жаргонная лексика, особенно восходящая к речевой практике преступников и наркоманов. В последние годы политики и журналисты охотно используют такие жаргонизмы из криминальной сферы, как *крутой, тусовка, кинуть, обуть, замочить, наехать, разборки, крышевать*. Из жаргона наркоманов в политическую речь проникли такие слова, как *ловить кайф, сидеть на игле, ломка, отходняк, оттягиваться*. Подобное словоупотребление – это своеобразный способ сблизить мир политики и мир криминала. В цивилизованном обществе две названные сферы совершенно не должны соприкасаться, но «умом Россию не понять» и в реальной жизни нашей страны криминал и политика постоянно пересекаются и взаимодействуют. Иногда создается впечатление, что сейчас ни один стремящийся к успеху политический деятель или журналист уже не может обойтись без уголовного жаргона.

«Блатная феня» так часто звучит даже из уст государственных служащих и лидеров крупнейших политических партий, широко известных в стране журналистов и бизнесменов, что может показаться, что некоторые жаргонные слова превращаются то ли в политические термины, то ли в публицистические «штампы». Ср.:

Как Руцкой пытался закозлить генерала ФСБ Суржикова (Н. Варсегов). Мы считаем наезды на Ковпака в подконтрольной Росселю прессе политическим заказом (В. Коршунов). В центре Екатеринбурга продолжает твориться предвыборный беспредел (С. Сыпачев). В.А. Гусинский славен своим искусством разводить на бабки, а для успеха разводок иногда надо пренебрегать строгими требованиями эстетической цельности действия (М. Соколов). Жириновский, не выбирая, как всегда, выражений, «мочил» Примакова, вспоминая его работу в службе внешней разведки и Министерстве иностранных дел (А. Вартанов).

Использование уголовного жаргона позволяет подчеркнуть естественность и общепонятность преступного слова, а вместе с тем и преступных порядков, преступного поведения, преступного мировосприятия. Использование подобной лексики – явление вполне традиционное для русской речи и отражает определенные векторы национального сознания. В какой еще стране «тюремные песни» стали столь заметным жанром фольклора? В каком другом государстве фраза «В детстве я рос хулиганом» стала почти общим местом в мемуарах крупнейших политиков? Где еще в мире едва ли не ежегодно проводятся амнистии? В каком еще обществе в парламент постоянно избирают людей с уголовным прошлым, а бывшие депутаты и министры нередко оказываются на скамье подсудимых? Для русского самосознания преступник – это не обязательно враг общества; во многих случаях это смелый человек, решившийся от отчаяния нарушить несправедливые законы, а заключенный – возможная жертва ошибки. Вместе с тем очевидно значительное усиление частотности и продуктивности криминальной метафоры именно на данном этапе развития русского политического дискурса.

Жаргонная лексика пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, противоестественности существующего положения дел, резкого противопоставления «своих» и «чужих», что, видимо, отвечает потребностям современной политической речи. Можно предположить, одна из причин активизация воздействия жаргонов – это реальное обострение криминальной обстановки, что отражается в народном сознании: давно замечено, что находящиеся в центре общественного сознания явления становятся источником экспансии. Вместе с тем активное использование в речи криминального жаргона (как и едва ли не смакование в средствах массовой информации картин реальных преступлений), несомненно, влияет на общественную оценку ситуации в стране, внушает мысль о том, что общество действительно пронизано криминальными связями и отношениями, что в России преступление – это норма, а подобные умонастроения опосредованно могут сказываться на уровне преступности в обществе.

Следует, однако, отметить, что далеко не всякое использование жаргонизмов в политической речи заслуживает несомненного осуждения. Использование подобных слов нередко позволяет коротко и точно обозначить явление, для которого пока не создано стилистически нейтрального однословного обозначения. Примером может служить выражение *отмывать деньги*, которое обозначает обращение в узаконенный доход тех денег, которые были получены незаконным путем. Ср.: *Американцы... Посмотрите, что они сделали. Прибалтику отделили, и Прибалтика торгует с Кавказом. Мы сохраним Прибалтику, а они отмывают наркоденьги, и оружие оттуда идет на Кавказ* (В.В. Жириновский). Показательно, что некоторые слова жаргонного происхождения уже включены в современные словари литературного языка.

С другой стороны в отдельных случаях использование жаргонизмов способствует достижению выразительности, помогает выразить эмоциональное отношение к проблеме. Показательно, что даже президент России позволил себе на встрече с лидером Великобритании цитировать высказывание о «козлах» и говорит о необходимости «мочить» террористов «в сортире». Все это позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время жаргонизмы превратились в такое выразительное средство, использование которого вполне допустимо в определенных контекстуальных условиях. Критерием здесь должны служить чувство меры, уместность и языковой вкус автора.

3. Иноязычная лексика. В отечественном политическом дискурсе доля заимствованных слов издавна была выше, чем во многих других социальных сферах. Традиционно в русском политическом языке было особенно много интернационализмов – слов, имеющих древнегреческие и латинские корни и имеющих аналоги во многих языках (*революция, демократия, олигархия, социализм и др.*).

В современной политической речи продолжается процесс заимствования иноязычных слов, что диктуется как потребностями общества, так и политической ситуацией. Современная Россия все больше ориентируется на мировые политические стандарты и общечеловеческие ценности. Для обозначения многих подобных явлений в русском языке не существовало исконных слов, а поэтому вполне закономерным становится использование интернациональных обозначений. Рассмотрим в качестве примера небольшой отрывок из выступления Сергея Кириенко:

Согласитесь, на территории каждого региона есть федеральные службы, начиная от силовых структур и заканчивая такими структурами, как казначейство, налоговая инспекция, служба по несостоятельности и банкротству, антимонопольные комитеты и так далее. Сегодня они стали, по факту, если не приватизированы, то регионализированы, то есть ими командуют губернаторы.

Значительная часть заимствованных слов уже давно воспринимается нашими соотечественниками как вполне привычные и не вызывающие раздражения. Некоторым исключением являются только новейшие заимствования из английского языка (*секьюрити, рэкет, лоббизм, мессеж, триллер, блок-бастер, киллер, пиар* и др.). Специалисты отмечают, что в последние годы происходит неконтролируемый и необоснованный процесс насыщения русского языка английскими заимствованиями. Чрезмерное использование варваризмов способно привести к определенной трансформации языковой картины мира. Новые слова нередко преобразуют эмоциональную оценку тех или иных реалий, что приводит к изменению представления носителей языка об окружающей действительности. Такое положение начинает все больше тревожить общество, все чаще предлагается остановить «американоанию» и вернуться к традиционным российским ценностям. Своего рода знаком национального возрождения нередко представляется и стилистически уместное использование преимущественно русских по происхождению слов.

Русский язык в течение всей своей истории был языком, открытым для заимствований, наш народ всегда умел отобрать действительно нужное и отбросить то, что не соответствовало его потребностям. Поэтому многие специалисты считают, что нет смысла бороться с отдельными заимствованными словами, что подлинный патриотизм проявляется вовсе не в способах отбора лексики. Вместе с тем неумеренность в использовании заимствований часто воспринимается как показатель низкой речевой культуры и неспособности пользоваться всеми богатствами родного языка.

4. Сложносокращенные слова. Специалисты еще в начале прошлого века отмечали активное использование сложносокращенных слов как яркую черту политического языка послереволюционной эпохи: эта часть лексики стала яркой приметой «советского» языка, хотя истоки данного явления возникли значительно раньше октябрьской революции. В первые годы советской власти использование аббревиатур было своего рода модой, которая затем на много десятилетий переросла в привычку. Показательно, что немало сложносокращенных советизмов ушло в небытие вместе с реалиями, для обозначения которых эти слова использовались (*КПСС, ЦК, КГБ, облисполком, партком* и др.).

Специальные подсчеты показывают, что в современных текстах используется не больше аббревиатур, чем в текстах советской эпохи. Отличительной чертой постсоветского периода стало не количественное, а качественное изменение состава сложносокращенных слов. Новая реальность потребовала обновления наименований политических реалий, и важным источником обогащения лексикона вновь стала аббревиация. Наши современники познакомились с такими обозначениями, как РФ, ГКЧП, ЛДПР, УрФО, ГОУ ВПО, ООО, СПИД, РАО ЕЭС, МЧС и множеством подобных. Мы уже начали привыкать даже к английской аббревиатуре *PR* и ее производным в русском языке (*пиариться, пиарщик* и др.). Вместе с тем новые аббревиатуры непривычны для наших граждан, непонятность подобных неологизмов становится своего рода символом непонятности новой жизни. В результате высказывается мнение о каком-то «нашествии» неологизмов-аббревиатур и в очередной раз раздаются призывы спасти родной язык и саму отчизну.

Как уже было сказано, отечественные политические тексты еще с советских времен насыщены аббревиатурами значительно в большей степени, чем тексты иных сфер. Сам по себе этот факт не должен оцениваться положительно или отрицательно, но при использовании указанных слов особенно важно соблюдать чувство меры. Использование сложносокращенных слов не должно приводить к непониманию, двусмысленности или неблагозвучию.

Подводя общие итоги рассмотрения лексико-стилистических процессов, характерных для русского языка нашей эпохи, можно сделать вывод, что наиболее важной особенностью постсоветской политической коммуникации стало ослабление стилистических норм и усиление воздействия неcodифицированных сфер национального языка на политический дискурс. Результатом этих процессов стало чрезвычайно активное использование просторечных слов, жаргонизмов, заимствованной лексики и сложносокращенных слов. Показательно, что эта тенденция не была для русского языка чем-то принципиально новым, но в прежние времена большее предпочтение отдавалось общеупотребительным словам, не было столь заметного стремления к обновлению политического словаря.

Тема 5

Стилистические характеристики политической коммуникации. Метафора в языке политики

Метафора

Метафора является одним из самых распространенных средств стилистического оформления речи.

Метафора – это оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии, контраста и т.п.

Метафора основывается на сходстве предметов или явлений в самых различных чертах. Она возникает из сравнения, сопоставления нового предмета с уже известным и выделения общих их признаков.

Чтобы появилась метафора, следует найти точки соприкосновения двух предметов или явлений в чем-то, например:

- *озеро, как зеркало — зеркало озера;*
- *руки, как золото — золотые руки;*
- *волосы, как серебро — серебряные волосы.*

Общность признака делают возможным вот такие переносы признака лица на предмет:

- *безмолвная женщина — безмолвная улица;*
- *деликатный человек — деликатный вопрос;*

- *бойкий мальчик — бойкий спор;*
- *мудрый старик — мудрое решение;*
- *любопытная соседка — любопытный вопрос.*

Перенос значения одного слова на другой, то есть возникновение метафоры, связан с их сходством:

1. **подобие формы:***дамская шляпка — шляпка гвоздя, копна сена — копна волос;*
2. **цветовая близость:***янтарные бусы — янтарный блеск; золотое кольцо — золотая листва;*
3. **общность функции:***дворники расчистили снег — автомобильные дворники; горит свеча — горит лампочка; сторож (охранник) — сторож (кухонное приспособление, не дающее подгореть молоку);*
4. **похожесть в расположении:***подошва обуви — подошва горы.*

Выделяют несколько основных видов метафор:

- **Резкая/ломаная метафора/метафора противоречий** – объединение логически несовместимых понятий (*начинка высказывания*);
- **Развернутая** (последовательная/расширенная/устойчивая) – сводит несколько понятий и воплощается в разных участках текста, например, *«автомобильный рынок упал: продукты с авторынки все чаще оказываются несвежими, даже дегустировать их не хочется»;*
- **Реализованная метафора** – предполагает оперирование метафорическим выражением без учёта его фигурального характера, то есть так, как если бы метафора имела прямое значение. Результат реализации метафоры часто бывает комическим. Модель: **Я вышел из себя и вошёл в автобус.**
- **Стертая** – метафора, использующаяся в обиходе и уже воспринимающаяся, как так и нужно, например, *ручка двери, ножка стула;*
- **Метафора-формула** – близкая к стертой, но отличается тем, что устоявшиеся выражения выступают в роли фразеологизмов – нерушимых сочетаний слов, например, *золотое сердце, червь сомнения.*

Специалисты по современной политической коммуникации отмечают все возрастающую выразительность современной политической речи. Если в советские времена своего рода «сверхзадачей» советской элиты (к которой в определенной мере относились и журналисты официальных СМИ) была «политическая правильность» текста, соответствие его содержания господствующей идеологии и традициям ее языкового представления, то в постсоветскую эпоху на первый план выходит стремление к выразительности речи. Яркость и неожиданность способов выражения мысли, удачная языковая игра, индивидуальность стиля во многих случаях ценятся даже в большей степени, чем ясность и политическая корректность содержания текста. Рассмотрим ведущие приемы выразительности, активно используемые в современной политической коммуникации.

Специальные речевые средства воздействия на чувства и умы людей подразделяются на фигуры и тропы. И то, и другое представляет намеренное отклонение от стандартной речи с целью привлечь внимание слушателей, заставить их задуматься, увидеть многоплановость картины и, в конечном итоге, глубже понять смысл, почувствовать образ.

Стилистическая фигура – это необычное, привлекающее внимание построение текста, используемое для усиления его выразительности. Стилистические фигуры могут проявляться на различных языковых уровнях – фонетическом, морфемном, синтаксическом. К числу фигур относят антитезу, инверсию, эллипсис, парцелляцию, фонетический, лексический и морфологический повтор, синтаксический параллелизм, риторический вопрос и риторический диалог.

Термин "фигура" перенесен античными учеными в риторiku из искусства танца: риторическая фигура – это необычный оборот речи, предназначенный для ее украшения, усиления эмоционального воздействия. Движение и слово в танцевальных и риторических фигурах в равной степени превращаются в эстетическую ценность, доставляют человеку удовольствие, привлекают его внимание.

Троп – это необычное употребление одного слова, образное его использование, которое способно служить украшением речи; прямое значение в подобных случаях становится лишь фоном, оттеняющим специфику нового употребления и одновременно помогающим его понять. Термин «троп» греческого происхождения обозначает собственно «поворот, оборот», восходит к греческому глаголу *τρέω* «поворачивать, обращать»: в данном случае «поворачивается», изменяется значение слова. Наиболее яркие тропы – это метафора, метонимия, олицетворение, символ, эпитет.

Во многих современных публикациях дается обзор стилистических средств, которые применяются в отечественной политической коммуникации. С чисто лингвистической точки зрения в политической речи используются те же стилистические средства, что и во многих других сферах коммуникации. Как и в других коммуникативных сферах, удачное использование стилистических фигур и тропов делает изложение более ярким, выразительным, привлекает внимание читателей и слушателей.

Для более детального рассмотрения закономерностей использования стилистических фигур и тропов в современном политическом тексте обратимся к стилистическим средствам, которые использованы в широко известной статье Александра Зиновьева, опубликованной в газете «Советская Россия».

Формы существования концептуальных метафор как индикаторы силы и бессилия общества

Знаменитая работа Лакоффа и Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» положила начало огромному потоку исследований, объектом которых стало «отслеживание» слов-ключей к тем метафорам, на которых строятся ментальные схемы интерпретации действительности как у целых социумов, так и у отдельных их представителей, чья духовная жизнь определенным образом влияет на речемыслительные практики целых сообществ (речь идет о политиках, писателях и т.п. – властителях умов и судеб). Особого внимания удостоилась политическая метафора, отражающая не только речевую, но и практическую сторону деятельности социума.

Думается, что мысль американских лингвистов-когнитивистов о том, что концептуальные метафоры структурируют не только речь, но и практическую деятельность носителей культур, может быть развита в определенном направлении: наблюдения над общественной жизнью позволяют предложить идею разноуровневого существования политических метафор в культурных практиках тех или иных социумов.

Как известно, в качестве наиболее характерных политических метафор общественной жизни выступают *милитарные* метафоры, метафоры политической жизни как *шоу, спектакля*, метафоры *болезни* [Чудинов : 2001] – к ним в последнее время прибавилась *маркетинговая* метафора, структурирующая политическую жизнь в терминах торговли (см. ниже).

Согласно предлагаемой гипотезе, политическая метафора, которой «живет социум», может иметь три уровня своего существования:

1) уровень структурирования практической деятельности. Поскольку регулирование практической деятельности социума осуществляется властью, постольку именно ей принадлежит внедрение метафоры в жизнь социума (организация одних форм жизни по образцу других). Сама метафора может озвучиваться в обществе или табуироваться в языке власти по определенным причинам (если власть не желает освещения подлинной сути своей политической практики). Если метафора озвучивается, она определяет языковую метафорику текстов соответствующего периода и может становиться основой развития текстов, их своеобразным предикатом, присоединяющим к себе соответствующие актанты (см. ниже).. Так было с метафорой разделенного мира в дискурсе советской идеологии, где жизнь общества интерпретировалась в терминах войны между двумя лагерями. Отсюда в текстах присутствовали *враги, предатели, изменники* и т.д.;

2) дискурсивный (собственно метафорический) уровень существования концептуальной метафоры. Он проявляется в текстовом развертывании метафоры, в использовании соответствующей языковой метафорики, имеющей образный характер, но не влечет за собой практических действий, вытекающих из метафоры на правах ее следствий (*враги и предатели* не уничтожаются).

При этом может существовать рассогласование между практической деятельностью власти, регулируемой определенной метафорой, и ее оценкой в речевой практике социума: метафора, используемая в независимых СМИ или дискурсе оппозиции для обозначения действия власти, несет отрицательную характеристику этой деятельности (см. ниже);

3) собственно языковой уровень существования концептуальной метафоры – она реализуется через «стертые» метафоры. Именно стертые метафоры прочно встроены в наш язык, заставляя нас думать о ситуации в определенных терминах: напр., в терминах *победы / поражения*, будь то избирательная кампания, публичная дискуссия или адаптация к сложностям бытия (*борьба с жизнью*).

Итак, проиллюстрируем сказанное наблюдениями над формой реализации той или иной метафоры, на определенном этапе используемой в социуме для характеристики его общественной жизни или для ее регулирования.

Каждая революция начинается с новой системы текстов и с новых метафор, в сущности, определяющих новизну текстовых приемов. Это положение настолько общеизвестно, что уже не требует отсылки к первоисточникам данной идеи. Так, метафора идеологической борьбы, конфронтации двух лагерей в мире с разными общественными устройствами, составлявшая основу политических текстов советского периода (будь то внешнеполитические отношения или отношения внутри страны в период 30–40-х годов) сменилась в начале 90-х прошлого века, после провозглашенной М.С. Горбачевым «деидеологизации» политики, иными метафорами – *спорта, шоу*, на данном этапе – *маркетинга*. Важно отметить характер дискурсов, использующих ту или иную метафору: если метафора борьбы была характерна для текстов власти, рупором которой были СМИ, то в последующий период общественной жизни, когда власть перестает контролировать СМИ (или оказывается неспособной это делать), в ее дискурсе и дискурсе СМИ могут использоваться разные метафоры для концептуализации общественной жизни. Говоря о мене метафор, хочется подчеркнуть, что концептуализация мира посредством тех или иных метафорических концептов определяется не «языковым вкусом эпохи», не случайным выбором определенной метафоры на роль интерпретатора действительности в тех или иных терминах – как метафорические модели политической жизни, так и смена метафор обуславливаются набором социальных факторов. Так, метафора *спорта* в российских дискурсах, пришедшая на смену метафоре *борьбы* советских дискурсов, в сущности, была ее органическим продолжением в новых условиях: метафора *спорта* очень близка метафоре *войны / борьбы*: чем, в сущности были «бои» гладиаторов – спортом? борьбой не на жизнь, а на смерть? Очевидно, что фрейм «гладиатор» в качестве одной из составляющих включает слот «смерть». Таким образом, метафора политической борьбы, войны двух лагерей, предполагающая и физическое устранение «врага», сменилась менее «кровавой», однако достаточно близкой по духу метафорой *спорта* (прекращение войны на время Олимпийских игр в античности можно рассматривать как сублимацию потребности в уничтожении Другого (агрессии) в потребность противоборства на спортивных состязаниях).¹

Предвыборная гонка, предвыборная борьба, предвыборный марафон – спортивные метафоры не были характерны для советских кампаний выборов, где не было соревнующихся сторон; трудно даже произнести применительно к этому институту советского государства выражение «предвыборная кампания»: «Преобразования избирательной системы, начало которым положили массовый политический энтузиазм конца 80-х годов и нововведения в советском избирательном законодательстве, осуществленные в 1988-1989 годах, радикально изменили российские выборы. Выборы девяностых годов разительно отличались от того мероприятия, которое называлось выборами в советские времена» (Бузин 2006: www.yabloko.ru/Publ/Book/Selective_technologies/st_003.html). Автор приведенных строк достаточно жестко оценивает и современные российские выборы, применяя к ним метафору *шоу*: «Несмотря на то, что российские выборы быстро приобретают черты **заранее отрепетированного спектакля**, несмотря на сужение круга избираемых органов власти, Россия не собирается отказываться от выборов вообще» (там же). Советские выборы также можно обозначить как отрепетированный спектакль – с режиссерами, принявшими один и тот же сценарий на обозримые

времена. Правда, у этого сценария была «дефектная парадигма» – не хватало для реализации всех слотов выборов, как уже было сказано, соревнующихся сторон. Но были щедрые декорации: избирательные участки украшались соответствующим образом – красными плакатами, шарами и т.п. (по воспоминаниям автора, жившего в провинциальном белорусском городке: выборы происходили в школе, где играла музыка, и в этот день – именно день, а не вечер – в фойе под музыку танцевали люди, как правило, школьники, для которых день становился праздничным), и были актеры – и те, кто играл роль избираемых, и те, кто приходил на избирательные участки. (Можно сказать, используя термины когнитивной лингвистики, что фон доминировал над фигурой.) В сущности, советские выборы были не выборами, а референдумом по принятию кандидатур, выдвинутых партией. Метафора спектакля была скрыта: она реализовалась не на языковом, а на референтном уровне – отрежиссированная процедура, скорее, напоминала организованный поход школьников в театр, где разыгрывался спектакль под названием «выборы», – при этом «школьники» обязаны были не пропустить развивающего действия. Эта принудительность оформилась языковой метафорой *пойти на выборы – исполнить свой гражданский долг*.

Как уже неоднократно отмечалось, начало 90-х годов характеризовалось широким использованием метафор *шоу* в дискурсе СМИ при описании политических коллизий: «звезды политической сцены играли превосходно», «в залах был полный аншлаг», «зарубежные гастроли наших либералов» и т.п. Естественно, что эти метафоры не могли быть озвучены на предыдущем этапе политической жизни, как и метафоры *борьбы* или *спорта*, поскольку, как мы уже говорили, советские выборы осуществлялись в системе, основной стилистической тональностью которой была серьезность, и по сценарию с неполным набором составляющих. Метафоры *игры, шоу* в начале 90-х прошлого века коррелировали с общим усилением театрализации политической действительности: избирательная кампания, проводимая с одновременным участием звезд эстрады и иногда расцениваемая как «дуэль Бабкина – Боярский» (имеется в виду выступление эстрадных звезд в поддержку «своего кандидата») подчеркивала характер выборов, происходивших в «обществе спектакля» (Ги Дебор). Автор тогда, как и известнейший российский представитель политической лингвистики А.П. Чудинов, усматривал в происходящей театрализации имитацию политической жизни, ее мимесис: «Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания». (Чудинов 2001: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#330>). Сегодня, в свете исчезновения подобных метафор из дискурса СМИ, автор по-иному оценивает прошедшее: эпоха начала – середины 90-х в России была временем освобождения от предписанной идеологией прошлого серьезности, весь «новый мир» превратился в спектакль: чета Горбачевых записала свои голоса в рэп-композиции, мэр Москвы Лужков сломал ногу, исполняя кульбит на арене Московского цирка, что само по себе символично: на глазах овеществлялась метафора: *власть – цирк и власть сломала ногу*, танцевал и пел Б. Ельцин. Впрочем, пели не только в России – запел даже Иоанн Павел II: Ватиканом была выпущена пластинка, где под современную музыку, чем-то напоминающую рэп, папа читает молитвы на пяти языках. Это было время раскрепощения, отхода от традиционных форм поведения, время усталости от ужасов реальности. Примечательны события в Перу, когда в 1996 году в японском посольстве были захвачены террористами заложники – в это время возле посольства устраивались представления актеров и певцов с целью развлечь заложников. Война превращалась в шоу – и, напротив, в мире начала XXI века шоу стали пахнуть войной: так было с «Норд-Остом», так было и в Кении на конкурсе красоты 2002 года, где погибло около 250 христиан в ходе мусульманских актов возмущения статьей в газете под названием «Девушки так красивы, что каждая могла бы стать женой пророка Мухаммеда». Мусульмане не допускают десакрализации своего священного пространства, проникновения в него мирских и плотских элементов. Мы же можем констатировать, что особенности мироощущения и миропонимания в конце прошлого века структурировали действительность как театр, превращая войну в шоу, в то время как происшедшая смена мироощущения, напротив, превратила шоу в войну.

Уменьшение в политическом дискурсе театральных метафор (остаточным явлением можно считать метафору *фарса*, характеризующую дискурс современной российской оппозиции: «Я не участвую в фарсе» – акция демократов в ходе предвыборной президентской кампании 2008 года) связано, таким образом, с изменением духа экстралингвистической реальности. Тем не менее политическое действие в «обществе спектакля» продолжает носить его черты. Спектакль современных выборов совмещает в себе некоторые признаки прошлого (режиссеры – политтехнологи от власти, сценарий имеет полную парадигму и, видимо, пишется всякий раз, если иметь в виду появление новых и иногда «псевдокандидатов», как это было на прошедших президентских выборах в России, где от демократов выступал малоизвестный А. Богданов, «назначенный» на роль демократа. [«По информации одной из центральных газет, в Кремле подумывают о том, чтобы поставить Богданова во главе новой «правой» партии, которая образуется после развала старых. Пока же лидер ДПР якобы проходит «обкатку» на президентских выборах. (<http://www.democrats.ru/rus/news/document1216.shtml>)]. Если исходить из дискурса оппозиционной прессы, то и результат выборов (финал спектакля) является заранее написанным. Но есть принципиальное отличие настоящих выборов от референдума советского периода, также обусловленное экстралингвистической действительностью: средства массовой коммуникации – прежде всего телевидение – делают нас участниками непрерывного спектакля, в котором любой предмет, в том числе и политик, становится продаваемым товаром. На сцене этого шоу высвечиваются только отдельные стороны товара (Дебор 2000: http://www.nbp-info.ru/new/lib/deb_obsh/02.html), поэтому те, кто на сцене, так заинтересованы в том, чтобы высветить нужный ракурс. Отсюда повышается роль зрителей спектакля – электората. Слово *электорат* прочно вошло в дискурс российских политиков, смотрящих на своих сограждан сквозь призму их участия в выборах. Показательной в этом отношении представляется реплика одного из ведущих российских политиков в одном из телевизионных интервью: в связи с недавней кончиной автора бессмертного шлягера «Besame mucho» Консуэлы Веласкес телевидение обращалось с просьбой ко многим известным людям ответить, насколько, по их мнению, сегодня современен этот шлягер. Известный политик Вяч. Никонов ответил примерно так: «Не весь электорат сегодня принимает эту песню». О ком говорил В. Никонов? Об избирателях, отдающих голоса за его партию? Ведь *электорат* (от лат. *elector* – избиратель) – ‘круг избирателей, голосующих за определенную партию на парламентских, президентских или муниципальных выборах’ (Большой юридический словарь). Может ли это слово считаться точным синонимом слова *избиратели*? Из его толкования следует наличие дополнительных семантических компонентов (‘голосующих за определенную партию’), отражающих практику многопартийной системы, чего не было в прежней политической действительности. Значит ли это, что Никонов не предполагает иных возможностей у избирателей, чем быть сторонниками его партии (тогда выборы также превращаются в спектакль), или политик, не отдавая отчета в особенностях содержания заимствованного политического понятия, просто выражает свое видение сограждан как вечных зрителей политических действий? Вообще нельзя не согласиться с Константином А. Богдановым, высказавшим мысль о том, что на русской почве многие заимствованные понятия подвергаются трансформации: «Применительно к русской культуре давно замечено и часто повторяется, что история инокультурных заимствований в России – это прежде всего история переосмысления заимствуемых ценностей» (Богданов 2006: 8). Так, последние выборы в Государственную Думу России (2007) в некоторых российских СМИ и призывах характеризовались как «референдум в поддержку Президента» [«Выборы в Государственную думу 2 декабря станут референдумом в поддержку курса президента России Владимира Путина. Как передает корреспондент «Росбалта», об этом заявил сегодня утром журналистам секретарь президиума генерального совета «ЕР» Вячеслав Володин» (<http://www.rosbaltvolga.ru/2007/10/05/419782.html>)]. Подобное употребление нарушает синтаксическую сочетаемость слова (*референдум по вопросу*), и свидетельствует о трансформации его значения по сравнению с тем идеологическим полем, из которого оно к нам пришло (при референдуме объектом является не кандидат или список кандидатов на определенную должность, а определенный вопрос).

При всех несовершенствах политической жизни, структурируемой в терминах *спектакля*, сама театральная метафора оказывается гораздо гуманнее военных метафор, так как не предполагает физического устранения политических оппонентов. В рамках действительности, структурируемой этой метафорой, они выступают, скорее в качестве актеров одного театра, стремящихся завоевать симпатии публики и главные роли политического репертуара, не гнушаясь при этом многими не дозволенными моралью вещами (грязными технологиями), как это бывает в театре. О военной метафоре много и плодотворно писали известные российские исследователи «метафорического зеркала России», и прежде всего А.П. Чудинов, отметивший наличие в конце 90-х годов прошлого века агрессивную тональность российских СМИ, создаваемую такими метафорами (Чудинов 2001). Безусловно, прав и коллега А.П. Чудинова Э. Будаев, сказавший о том, что система метафорических моделей СМИ служит индикатором общественного состояния, мировидения общества даже в том случае, когда общество не отдает себе отчета в состоянии собственного сознания (Будаев 2007: analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=368) – мне бы хотелось только сказать о неизбежности этой метафоры в наших устах и о разных уровнях ее существования в общественном сознании, как, впрочем, и других базовых метафор, структурирующих на определенном этапе жизни социума его мировидение (далее: структурных метафор).

Конрад Лоренц, как известно, различал межвидовую и внутривидовую агрессию в животном мире, наследником инстинктов которого является человек. Лоренц приводит пример того, как нереализованный инстинкт агрессивности у человека, в принципе, не чуждающегося убийства сородича (внутривидовая агрессия, по Лоренцу), может приводить к тяжелейшим неврозам: он рассказывает об индейцах племени юта, тяжело страдающих от избытка агрессивных побуждений, не реализуемых в условиях урегулированной жизни современной индейской резервации в Северной Америке. Индейцы-юта, которые в течение нескольких столетий вели жизнь, практически полностью состоявшую из войн и грабежей, сегодня чаще, чем другие люди, подвержены неврозам и склонны к самоубийству. В этом племени существует строжайший запрет на убийство соплеменника (насилие по отношению к чужим – межвидовая агрессия – в порядке вещей). Перед нами пример запрета на внутривидовую агрессию, приводящего к тяжелым нервным срывам (Лоренц 1992: 18). Таким образом, частота реализации военной метафоры, отражающей потребность человека в выплеске агрессии, есть не только наследие истории народа, но и архетип сознания, имеющий своим истоком животный мир...

Нужно сказать, что метафоры *внутривидовой борьбы* весьма популярны в современном российском дискурсе, что также связано с экстралингвистической ситуацией – отсутствием подлинно противопоставленных политических партий в спектре политических сил России. *Внутривидовая борьба в российской политике, внутривидовая борьба единороссов, КПРФ на пути внутривидовой борьбы* и т.п. – эти метафоры можно считать новинкой политических дискурсивных практик, тем не менее связанной с основной – военной – метафорой и вместе с тем отсылающей к ее биологическим архетипическим истокам.

Если миром правит метафора *борьбы*, то те, кто говорят по ее сценарию, практически произносят один и тот же текст, независимо от лагеря, к которому себя причисляют. «И “ведьмы”, а вернее – красно-коричневые оборотни, наглея от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листками, грязно оскорбляя народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать... Что тут говорить? Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?» Кому принадлежат эти слова? – Здесь и эпитеты *ядовитые, грязные*, использовавшиеся в дискурсе власти СССР против тех, в ком она видела своих врагов, и *оборотни* – слово, столь знакомое по шпионским скандалам в СССР, цель которого – расчеловечить «противника», и *наглея*, и народ в качестве тотема и многое другое, знакомое по процессам, берущим истоки в далеких 30-х годах. А под письмом – подписи людей, глубоко уважаемых в обществе в качестве тех, кто противился торжеству репрессивной системы (Письмо 42-х 1993). Автор не хотел бы называть фамилии известнейших русских интеллигентов,

как ему кажется, потерявших в этот момент «чувство стиля» – это случилось в октябре 1993 года, когда политическая борьба едва не переросла в гражданскую войну. Если продолжить разговор об октябре 1993 в Москве, то здесь произошло скрещивание метафор *войны* и *шоу*: политическая борьба стала войной, а война вокруг Белого Дома, в соответствии с правящей тогда театральной метафорой, транслировалась по телевизору (!) как шоу, и многие «зрители» (автор хранит эти воспоминания в памяти) не могли, по их словам, «оторваться от экранов».

Говоря о реализации структурных метафор, можно, как представляется выделить парадигму базовой структурной метафоры, исходя из того, что именно находит реализацию в общественной практике: дискурсивный уровень метафор или следствия из них, имеющие вид неречевых (не только речевых) действий. При этом язык также испытывает определенную зависимость от формы реализации метафоры.

К первому (верхнему) уровню реализации метафоры можно отнести случаи, когда сфера-мишень и сфера-источник в сознании языкового коллектива отождествляются. При этом метафора регулирует деятельность социума и озвучивается в его речевых практиках, например, политическая борьба или конкуренция в бизнесе воспринимаются как настоящая война. В таком случае название оппонентов *врагами* или *предателями* ведет к таким же последствиям, как если бы это было на фронтовой полосе. Выражение *враг народа*, берущее свой исток во Французской революции (*ennemi du peuple*), было использовано в российской практике впервые Лениным по отношению к партии кадетов, которая в целом была представлена им партией «врагов народа». Как известно, Ленин определил слои населения (купечество, духовенство, прочие имущие слои), которые могут быть отнесены к *врагам народа* и на этом основании уничтожены. Интересно, что словари русского языка, начиная от словаря Ушакова и до Словаря русского языка (1981), в качестве иллюстрации к первому значению приводят *классовый враг*, *идейный враг*, само же значение толкуется практически тавтологическим образом: «Тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-нибудь» (МАС), чего, естественно, нет в словаре Даля: «противник, неприятель, супостат, недоброжелатель, злорадец, (супротивник, противоборец; также в знач. общего противника рода человеческого, дьявола, сатаны или в значении военном, неприятельской земли, войска)». При таком толковании метафоричность значения в выражении *идейный враг* перестает ощущаться. *Враг* – не тот, кто реально причиняет зло, кто нападает на родную землю, а тот, кто может не соглашаться с идеей, мыслями, планами. Поэтому он должен быть физически устранен. Это и есть тот уровень жизни концептуальной метафоры *мир – фронт борьбы* (*мир – это война*), при котором происходит полное уподобление сферы-источника и сферы-мишени, результатом чего являются соответствующие действия.

Второй уровень существования структурной метафоры – наличие понимания того, что имеет место уподобление, а не отождествление двух сфер. Метафора находит вербальное воплощение, но следствия из нее не реализуются в практической деятельности социалингвистического коллектива. Так, если один из руководящих государственных деятелей говорит журналисту: «Враги прямо перед тобой, ты с ними воюешь, потом заключаешь перемирие, и все ясно. Предателя нужно уничтожить, раздавить... Знаете, Алексей, вы не предатель. Вы враг (www.newsru.com/russia/16sep2008/echo.html), и за этим не следует соответствующих действий, то мы можем констатировать дискурсивный (собственно метафорический) уровень существования структурной метафоры и производных от нее номинаций действительности – уровень «растождествления» сферы источника и сферы-мишени. Как сказал поэт, «в России не много таких насчитаешь эпох / Прохладно-отрадных, и чудится в этом подвох» (А. Кушнер). Современный политический дискурс пестрит метафорой *врагов народа*: ср. политический бестселлер Дм. Рогозина под названием «Враг народа», список «врагов народа» на одном из националистических сайтов с именами правозащитников и сотрудников правоохранительных органов, противодействующих ксенофобии. Опасность такой концептуализации мира, даже при растождествлении членов метафорической модели, заключается в том, что второй уровень метафорической концептуализации может легко перейти в первый, что не раз случалось в истории. На названном сайте в разделе «Жертвы большой политики» указаны имена и фамилии правозащитников, следователей и сотрудников правоохранительных органов, их

домашние адреса, паспортные данные, ИНН и места работы. По словам Александра Брода, фигурирующие в списке люди «очень взволнованы, поскольку опасаются насилия, учитывая, что в этом году национал-радикалы просто распоясались» (NEWS.ru.com: <http://www.newsru.com/russia/23apr2008/spisok.html>). Автору хотелось бы привести пример, казалось бы, неожиданного случая перехода уровня растождествления членов метафорической модели мира как фронта в уровень их отождествления. Некогда, анализируя советский публицистический дискурс, автор усматривал сюрреалистический момент в таких, например, строках из литературных статей периода «оттепели»: автор статьи «Пусть камни говорят и учат» рассказывает о подписанном Лениным в 1918 года декрете «О памятниках великим деятелям социализма, науки, литературы и искусства»: «...Называя имена тех, кому предстояло стать навсегда на улицах и площадях... революционный народ имел в виду, что отлитые в бронзе, они будут не просто напоминать о себе, но и жить, бороться и действовать... Памятники должны были быть поставлены для того, чтобы сражаться в одном ряду с комиссарами, агитаторами и отважными воинами» (Цимбал 1966: 191). Картина памятников, идущих в бой вместе с воинами Красной Армии, напоминала автору ожившего Командора, и сознанию, не пронизанному духом военной метафоры, она представлялась жутковатой. Те, кто «отлит в бронзе», лишены покоя после смерти, имеют свою «посмертную судьбу»: «жить, бороться, действовать». Однако прошло совсем немного времени, и «бронзовый солдат» в Таллине стал участником (если иметь в виду его удаление с «поля боя») и причиной подлинных сражений, с настоящими жертвами.

Нужно сказать, что иногда трудно различить уровни реализации метафоры в сознании, стоящем за определенным текстом. Так, «Независимая газета» в конце 1998 года помещает статью с названием «Верная твердыня православия», где автор Маруся Климова, рассказывая о строительстве Исаакиевского собора, возведенного, как известно, по проекту Огюста Монферана, в частности, пишет: «В поручении этого проекта молодому французскому архитектору заключался некий утонченный садизм: француз должен был воспевать мощь России, победившей в войне его родину, католик возводил памятник православной религии. Можно смело утверждать, что Монферан был первым русским коллаборационистом (и даже коллаборационистом в «квадрате»). Следовательно, начало французскому коллаборационизму было положено еще императором Александром I в 1818 году» (Климова 1998). Отметим, что Монферан выиграл конкурс на лучший проект в 1809 году, то есть до Отечественной войны 1812 года – М. Климову, видимо, такие подробности не интересовали. Сознание, рассматривающее мир сквозь призму неизбежного военного противостояния, готово увидеть его приметы всюду, где намечаются контуры оппозиции «свой – чужой». Приведенный пример еще раз иллюстрирует и безусловную правоту А.П. Чудинова и Э. Будаева об агрессивном потенциале российской прессы в названный период, и, надеюсь, служит подтверждением мысли об архетипичности метафоры *войны / борьбы*: неявные антизападные настроения с годами переросли в открытые, агрессивный потенциал прессы стал действующим инструментом политической жизни: «Запад – враг России» (<http://www.islamnews.ru/news-8490.html>); «По мнению Илларионова, Россия пытается спровоцировать высокопоставленных чиновников западных стран на жесткие высказывания в свой адрес. Это необходимо для того, чтобы мобилизовать электорат против внешнего врага. Подобная кампания в России проводится под каждые выборы. В 1996-м году врагом были объявлены коммунисты, в 2004-м - олигархи, а в 2008-м эта роль уготована Западу» (<http://www.klerk.ru/more/?77485>).

Возвращаясь к тексту М. Климовой, думается, уместно констатировать наличие второго – дискурсивного уровня существования военной метафоры: метафора военного противостояния развертывается в тексте, но никаких действий по отношению к «коллаборационисту» Монферану не может последовать. Тем не менее, если предположить, что французы решат по образцу других народов пересмотреть свою историю, может возникнуть изменение отношения к известному архитектору: если бы соотечественники Монферана решили вычеркнуть его из своей истории на том основании, что он был «коллаборационистом», то мы бы имели реализацию первого уровня концептуальной метафоры. Остается надеяться, что второй уровень существования военной метафоры все реже будет перерастать в первый – подлинного военного противостояния.

Третьим уровнем реализации (существования) структурной метафоры является употребление обусловленных ею номинаций как практически клишированных обозначений действительности, метафоричность этих номинаций ощущается, но образно-экспрессивный потенциал метафоры исчезает: *на левом фланге партии, предвыборный штаб/ борьба, победить политических противников* и т.п. «Стертые метафоры» представляются «эхом» концептуальной военной метафоры – именно они неизбежно присутствуют в нашей речи, независимо от предмета говорения: кинематографисты *ведут борьбу на кинофестивалях, мы убиваем время* и даже *боремся с жизнью*, не понимая того, что результатом победы над жизнью может быть только смерть. Но и третий уровень – стертых метафор – может реактуализироваться и перерасти в иные уровни существования базовой метафоры: например, конкурентные отношения в бизнесе, трактуемые в терминах борьбы и войны, приводят к подлинному «отстрелу» актантов бизнес-ситуации.

Идея разноуровневого существования структурной концептуальной метафоры в полной мере относится и к другим структурным метафорам, упоминаемых выше: так массовый исход мастеров сцены в политику можно расценивать как полное отождествление политической трибуны и артистической сцены (*весь мир – театр*). Интересно, что живя метафорой театра, лингвокультурный коллектив перестает ощущать разницу в значении слова *роль* в таких употреблениях, как *роль интеллигенции* (=значение), *социальная роль* (=функция) и *артистическая роль* (=художественный образ). Примером такого смешения прямого и метафорического значений слова *роль*, как представляется, является следующее высказывание известного российского политического комментатора: «Политик не актер, он сам себе и сценарист, и режиссер – это главная его функция. Ну и актер, исполнитель, естественно. Все люди, всякая профессия предполагает какую-то роль, у врача, у журналиста, у политика, у любого есть социальная роль. Поэтому, когда это путают с тем, что он все врет – это немножко другое дело. Разные есть игры, разные есть актеры и режиссеры, а роль она у всех людей есть, без роли вообще жить нельзя» (Леонид Радзиховский в передаче «Радио Свобода». Ответ на вопрос: «Должен ли политик быть актером?») (Политика и лицедейство: 2003, <http://www.svoboda.org/programs/rt/2003/rt.080703.asp>). Отметим, что только в театре / кино роль *играют хорошо* или *плохо*, в остальных случаях *роль выполняют / исполняют*. Если же роль врача играют, то к такому врачу крайне опасно обращаться пациентам. Интеллигенция может *сыграть свою роль*, но роль эта может быть только *большой* или *незначительной* – *хорошо* же *играть свою роль* интеллигенция не может.

Как уже было сказано, исследования политической метафористики показывают, что в дискурсивной практике происходит мена доминирующих метафор. Военные метафоры могут занимать ведущие позиции в политическом дискурсе определенного сообщества и могут эти позиции сдавать, никогда не уходя, в силу своей архетипичности, из когнитивных структур социума. [В дискурсе «молодых демократий» 90-х годов, например, в Литве, в качестве наиболее популярного обвинения, предъявляемого политическим оппонентам, было обвинение *предатель нации* (*tautos išdavikas*)]. Как показывает время, военные метафоры сдают позиции под натиском других метафор, определяющих мироощущение социокультурного коллектива на определенном этапе его существования. И вот здесь хотелось бы отметить в российском дискурсе появление метафористики нового типа, производной от структурной метафоры, которая до сих пор не отмечалась как характерная для российского дискурса. Он запестрел метафорами *супермаркета* для обозначения пестроты политического спектра или использования супермаркетов для проведения политических акций. [«После победных для партии выборов 2003 г., несмотря на почти неизбежное превращение массовой правящей партии в некий «идейно-социально-политический супермаркет», в ней структурировались три идеологические платформы» (<http://gazeta.rjews.net/hanin11.shtml>)], *сэконд-хэнда* для обозначения вторичности политических идей [«Потому что все, что делает и предлагает сегодня президент... – это все политический «секонд-хэнд» с плеча Кучмы, который Ющенко решил поносить» (<http://narodna.org.ua/news/2007/07/09/4256/>)], *шопинга* [«Политический шопинг ХАМАСа» www.ng.ru/tag/granitsa/)], *франчайзинга* для обозначения поиска политических покровителей

[«В Украине стремительно развивается политический франчайзинг – передача в управление брэндов раскрученных политических блоков и партий, считает киевский политолог Андрей Ермолаев» (<http://www.newsukraine.com.ua/news/44637/>)] и т.п.

Читатель уже понял, что речь идет о «торговых» метафорах, или метафорах маркетинга. «Современная эпоха, называемая эпохой глобализации, сопровождается объективными процессами, среди которых особенно следует выделить процесс маркетизации всех сфер общественной жизни. Процесс маркетизации в конце XX-го – начале XXI вв. приобрел глобальный характер. Это связано с широким распространением и развитием рыночных отношений, которые стали пронизывать все сферы общественной жизни. В итоге сформировался особый тип массового мышления, базирующийся на рыночных подходах и рыночных ценностных ориентациях. Проникая в область политики, рыночная парадигма сделала возможным появление и распространение в общественном сознании таких понятий, как «политический рынок», «политический капитал», «политический маркетинг»... По аналогии с рыночными отношениями продавцов и покупателей начали трактоваться взаимоотношения между политическими субъектами органами государственной власти и гражданами, партиями и общественностью, кандидатами и избирателями» (Спасский 2005: http://planetadisser.com/see/dis_247949.html).

Тема 6

Фонетические особенности политической речи

Фонетические особенности речи тесно связаны с ее содержанием, с целями и условиями языкового общения, в первую очередь – с ситуативными условиями общения. По словам Н.И. Григорьева, Л.К. Цеплитиса и Н.Я. Катлапе несовпадение языкового варианта и речевой ситуации ведет к нарушению коммуникативной естественности, и данный вариант воспринимается как неправильный. Под речевой ситуацией они понимают, прежде всего, социальную ситуацию с множеством обстоятельств (тема, цель речи, число и состав слушателей, помещение, время, погода, отношение говорящего к слушателям и к теме речи, готовность слушателей воспринимать речь и их отношение к говорящему, знание, опыт, умение использовать средства языка и т.д.). Когда люди выступают в какой-то роли, они подчиняются указанным нормам независимо от своих индивидуальных качеств, поскольку отклонение от ожидаемого поведения в каком-либо из этих статусов могло бы поставить под угрозу осуществление целей взаимодействия.

Как известно, политическая речь, выполняющая задачи массовой коммуникации, как и любой другой вид официальной речи, имеет общественное назначение. Поэтому к ее качеству предъявляются более высокие требования, чем к речи повседневного общения. Это подтверждается полученными рядом ученых (К. Джиубальска-Колазчик, Р.В. Миловидова, М. Роминиека, П. Традгил, Е.А. Филатова, Л.К. Цеплитис) данными, которые показывают, что одной из основных составляющих политической речи в любом языке, в том числе и английском, является соблюдение норм литературного языка, что позволяет пользоваться самыми выгодными средствами для передачи ее содержания, и употребление более престижных форм произношения. Более того, также отмечено, что чем выше статус собеседника, тем больше вероятность перехода на официальный тон, приближения к орфоэпической норме произношения. На употребление тех же средств настраивает тема, связанная с государственным устройством, политикой, культурой и т.д. К таким же правильным формам стремится и человек, желающий получить высокую социальную оценку в отношении своей компетентности, интеллекта и культурного уровня.

Таким образом, в связи с политическим дискурсом обычно рассматриваются современные орфоэпические нормы, регулирующие употребление вариантов звуков и их сочетаний, а также вариантов интонаций (Т.И. Шевченко).

Однако, соотнесение политической речи с орфоэпической нормой не означает, что она представляет собой некий определенный стандарт, нечто среднее и абстрактное с точки зрения выбора фонетических средств. Это лишь означает, что в политической речи невозможно использовать те явления, которые изначально являются атрибутами обиходного общения.

Просодические особенности британского политического дискурса

Исследователи (А.О. Ножин) считают, что «свойство публичной речи (под этим термином они объединяют такие виды речи, как политическая, митинговая, судебная, речь лектора, докладчика и т.д. – авт.) проявляется в основном в интонации, а не в вербальных (лексических, грамматических) средствах».

Как известно, интонацию организуют сила и высота голоса, темп говорения, паузальное членение, тембр, распределение ударения в синтагме или во фразе, ритм, мелодика речи.

В.В. Виноградов определяет четыре основные функции интонации: функцию грамматического синтеза, функцию членения на синтагмы, предикативную и модально-дифференциальную функции. Все они проявляют себя в едином комплексе, формируя художественно-эстетическую структуру предложения. Л.Р. Зиндер и И.Г. Торсуева также делают акцент на соотношении интонации со смыслом высказывания, определяя ее как единство взаимосвязанных компонентов, соотносимое с определенным набором языковых значений [54; 120].

Таким образом, совершенно очевидно, что интонационная организация высказывания обуславливается не только и не столько его внутренними характеристиками, сколько внешними факторами – контекстом, речевой ситуацией, в которой оно употреблено, той или иной прагматической установкой (С.А. Брантов).

Интонационные средства, удовлетворяющие требованиям британской публичной речи, обладают определенными особенностями. Д. Кристал среди них выделяет ритмизацию всех показателей, высокий уровень интенсивности, высокий мелодический уровень, замедленный темп, высокий тональный диапазон и особое резонансное качество голоса.

Ряд отечественных ученых, таких как А.М. Антипова, Д.Х. Баранник, Н.С. Градобык, Е.И. Григорьев, Ю.А. Дубовский, Н.В. Суднева, исследуя русскую и английскую политическую речь, выделяют ее характерные черты, среди которых средний или замедленный темп, высокая степень интенсивности, наличие значительного количества длительных пауз, которые, как правило, предшествуют главной информации. Кроме того, авторы указывают на наличие в такой речи рассредоточенного фразового ударения, которое выделяет все знаменательные и, частично, служебные слова (союзы, предлоги, вспомогательные глаголы и т.п.), а также наличие тенденции к последовательному увеличению частоты выделенных слогов в каждом высказывании пропорционально увеличению аудитории, перед которой произносится речь. Другой чертой речи политиков является то, что ритмические группы характеризуются относительной изохронностью, которая наиболее ощутима в начальных и конечных синтагмах.

Выразительность – это одна из важнейших черт любого публичного выступления, в том числе и политической речи. Выразительность предполагает передачу отдельных элементов при помощи соответствующих языковых средств, в состав которых в первую очередь входит интонация, а именно ударение, темп, ритм, пауза (Е.А. Ножин, Л.К. Цеплитис, Н.Я. Катлапе).

Выразительность текста нередко обеспечивается просодическим выделением его семантических составляющих: слов, синтагм, предложений, сверхфразовых единств. В политической речи наблюдается определенная закономерность сочетания сильной и слабой просодической выделенности смысловых составляющих текста (С.К. Абдыгаппарова, С.А. Брантов, М.П. Дворжецкая). Иными словами, просодическая выделенность имеет тесную взаимосвязь с семантической структурой высказывания, в частности с актуальным членением предложения. Просодически выделенными оказываются те слова, которые несут новую или важную информацию (С.И. Гусева, Т.М. Николаева О.Х. Цахер). Л.Г. Фомиченко называет такие слова или сочетания слов смысловыми актуализаторами, которые благодаря своей просодической выделенности, реализуют функцию воздействия, а также служат средством осуществления связности и целостности текстов. По определению автора, смысловые актуализаторы занимают в тексте доминантную позицию, а информация, распределенная в другие позиции, соответственно, может быть отнесена к фоновой. В целом, к фоновой части автор относит стилистически немаркированную информацию. Такая информация интонационно никак не выделяется, а значения просодических параметров на этих отрезках речи уменьшаются.

В работах других отечественных исследователей (Т.В. Андрусенко, С.И. Гусева, Е.Н. Макарова, М.А. Пирогова, А.В. Павлова, Н.Д. Светозарова, Е.В. Ягунова) такая доминантная информация, содержащаяся в речевых произведениях, носит различные названия: ключевое слово, информативно важный участок, коммуникативно нагруженный участок, информационный центр, семантический центр, логический центр, смысловое ядро, интонационный центр и т.д.

Многие британские ученые, среди которых Д. Кристал, У. Уэллс и А. Круттенден, для обозначения просодической выделенности используют термин «фокус». Так, У. Уэллс определяет четыре категории фокуса (контрастный, главный, второстепенный, нулевой) и соответствующие им четыре степени выделенности (максимальная, значительная, незначительная, минимальная).

В целом, большинство исследователей (С.А. Брантов, Д. Кристал, А. Круттенден, У. Уэллс, Ю.А. Филясова) придерживаются единого мнения при описании просодических параметров, имеющих потенциальную возможность служить средствами выделения в английском языке. Среди таких параметров они называют следующие:

- максимальная высота тона в высказывании (выделение ударного слога, маркированного логическим/ фразовым/ эмфатическим ударением);
- максимальный тональный диапазон (на фокусной единице);
- прерывание шкалы (резкое повышение или понижение высоты тона непосредственно перед фокусной единицей или сразу после нее);
- ядерный тон;
- пик интенсивности (максимальный показатель интенсивности в высказывании);
- повышение интенсивности на фокусной единице по сравнению с предшествующим элементом (как в случае с ударными, так и безударными сегментами);
- понижение интенсивности на следующем за фокусной единицей элементе;
- пауза, предшествующая фокусной единице/ следующая за ней (при этом перерыв в звучании при выделении отдельных слов не нарушает целостности интонационного контура высказывания, но является неотъемлемой его частью);
- протяжное произнесение (нетипичное удлинение звуков одного или нескольких слогов, связанное с более тщательным и медленным произнесением элементов высказывания, передающих нечто более новое и важное);
- предшествующее ускорение (увеличение темпа речи, по сравнению со средним для говорящего, на участке высказывания, предшествующем фокусной единице);
- последующее ускорение (увеличение темпа речи, по сравнению со средним для говорящего, на участке высказывания, следующим за фокусной единицей).

Подробно характеризуя все указанные выше параметры, авторы подчеркивают, что компоненты интонации, взятые по отдельности, не всегда функционально значимы в создании выделенности. Так, интенсивность участвует в создании эффекта выделенности (особенно это относится к гласным), как правило, в сочетании с другими просодическими компонентами. Основным же просодическим параметром выделенности является длительность гласных, которая, в свою очередь обеспечивается несколькими элементами интонации. В целом, чем больше параметров участвуют в маркировании фокуса, тем большую выделенность он получает.

Необходимо отметить, что исследования, проведенные некоторыми из уже упомянутых авторов (С.К. Абдыгаппарова, У. Уэллс, Л.Г. Фомиченко), показывают, что тенденции просодического маркирования едины для всех функциональных и стилевых типов текстов. При этом, данное явление, по их мнению, действует как на уровне целого текста, так и на уровне высказывания [2, с. 22; 129, с. 40; 213]. В связи с этим представляется интересным проанализировать просодические параметры выделенности на основе материала настоящего исследования.

Тема 7

Средства манипулятивного воздействия в политической коммуникации

Содержание политического манипулирования. Основные виды и направления политического манипулирования

Помимо явного воздействия на целевые группы посредством использования таких традиционных способов коммуникационного воздействия на общественное сознание, как агитация, пропаганда, политическая реклама и Public Relations, в ходе политических кампаний зачастую применяются и методы скрытого воздействия на сознание и поведение целевых групп — методы манипуляции. При этом политологи-макиавеллисты вообще считают, что политика — это искусство манипулирования людьми. И даже при отрицательном отношении к подобного рода методам знание механизмов и принципов их работы может способствовать как выявлению фактов манипулирования, так и организации противодействия скрытому воздействию на целевые группы политической кампании, что может непосредственно повлиять на конечный политический результат. Одним из первых о манипуляции общественным сознанием писал немецкий социолог Герберт Франке, который определил манипулирование как тайное воздействие, наносящее ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Г. Шиллер также уделил в своих работах внимание феномену манипуляции. Он констатирует, что «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно, и сам факт манипуляции не отражен в памяти субъекта. Короче говоря, для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться».

В свою очередь современный российский ученый А.И. Соловьев определяет манипулирование как особого вида информационное воздействие, направленное на сокрытие коммуникатором собственных целей, но при этом возбуждающим у объекта манипулятивного воздействия намерения, совпадающие не с его собственными желаниями, а с интересами данного коммуникатора. Иными словами, манипулирование — это тип скрытого, неявного информирования и программирования намерений реципиента, построенный на игнорировании его воли и относящийся к нему как к средству, орудию исполнения чуждых ему интересов.

Как пишет Г.В. Пушкарева, «манипулятор всегда прибегает к скрытому воздействию, лишая тем самым человека возможности критически воспринимать информацию, самостоятельно рассуждать и принимать решения».

Исходя из этого, мы определим в общем виде политическое манипулирование как скрытое воздействие и управление политическим сознанием и поведением людей с целью их побуждения к определенным действиям в интересах субъекта политической манипуляции. Еще к одной разновидности политического манипулирования мы также отнесем такое явное воздействие на объект манипуляции, истинная цель которого скрыта от объекта воздействия и подменена публичной псевдоцелью, которая не совпадает с реальными намерениями субъекта манипуляции. Таким образом, целью политического манипулирования являются получение, удержание, распределение и реализация власти при помощи неявных инструментов либо же путем сокрытия истинных политических целей.

При этом использование методов манипулирования в политических кампаниях вполне объяснимо с позиций рационального выбора эффективных методов достижения политических целей.

В большинстве случаев задачи манипуляторов в рамках политических кампаний сводятся к формированию у целевых групп определенных мнений, стереотипов, установок, предпочтений и убеждений, а также поведения в интересах субъекта кампании. Например, задачей манипуляции может быть побуждение населения к голосованию за определенную политическую силу на выборах. В связи с этим манипулятор должен знать особенности восприятия и социальные ожидания целевых групп и предложить соответствующий этим ожиданиям оптимальный образ субъекта политической кампании или политическую программу его действий (как вариант — убедить в том, что предлагаемая от лица субъекта кампании программа является наилучшей). Важно отметить, что манипулирование общественным сознанием активно осуществляется не только в период проведения политических кампаний, но и в обычное «вневыборное» время для политического управления. При этом многие известные эксперты считают, что в современном мире манипуляция общественным сознанием вообще является одним

из эффективных инструментов обеспечения политической стабильности в масштабах государств. В целом можно выделить следующие основные направления осуществления манипуляций в рамках политических кампаний: – внедрение в общественное сознание (точнее, сознание целевых групп) под видом объективной информации желательного для субъекта политической кампании контента, формирование у целевых аудиторий необходимого «собственного» мнения и отношения к различным политическим силам, процессам, явлениям, объектам; – воздействие на эмоциональную сферу целевых аудиторий для повышения социальной напряженности и дестабилизации обстановки на территории осуществления манипулятивного воздействия (и наоборот — воздействие на эмоциональную сферу целевых аудиторий для снижения социальной напряженности и обеспечения социальной и политической стабильности в регионе или государстве в целом); – перефокусировка общественного внимания на «выгодные» для субъекта политической кампании темы (например, переключение внимания с экономических проблем государства на проблемы национальной безопасности стало «фирменной» технологией американских президентов, инициирующих войны в период кризисов в США); – формирование «выгодных» моделей поведения и набора за- ранее проанализированных и отобранных управляемых альтернатив для создания иллюзии свободы выбора или действия в сознании целевых групп; – внедрение в коллективное сознание различных социально-политических стереотипов и установок; – введение в заблуждение политических оппонентов, искажение картины общего понимания ими текущей ситуации; – подмена собственных целей объекта воздействия целями манипулятора в интересах субъекта политической кампании. Сообщения снижают уровень восприятия реципиента в целом, не позволяя ему сосредоточиться на действительно значимых фактах и событиях; – прием «белого шума» (одна из разновидностей метода ин-формационной перегрузки), посредством которого снижается восприятие значимых фактов через подачу такого объема новостной информации, при котором невозможно осуществить сортировку и разграничение информационных сообщений; – «ограниченного совпадения точек зрения», который заключается в том, что точка зрения, которой придерживается общество, не опровергается сразу, а изменяется до необходимой манипулятору путем постепенной ее корректировки; – объективного подхода — составление фактологического ряда, использование которого позволит как «выявить» несуществующую на самом деле тенденцию, так и «запустить» ее в реальности через формирование общественного мнения о существовании этой тенденции. Данный эффект называется эффектом Эдипа; – семантического манипулирования, суть которого заключается в освещении того или иного события, процесса, ситуации, субъекта политической кампании с помощью набора слов, с которыми у массовой аудитории связаны позитивные и негативные ассоциации, которые непосредственным образом влияют на восприятие информации, транслируемой СМИ. Так, человек может быть разведчиком, а может — шпионом. Косовские албанцы могут быть борцами за независимость, а могут быть сепаратистами или боевиками. Солдаты могут быть освободителями, а могут — оккупантами. Воинские соединения могут быть регулярными войсками, а могут — незаконными вооруженными бандформированиями. Не менее популярны так называемые «бутерброды», или «сэндвичи», когда выигрышное для политика сообщение помещается в такой контекст, который коренным образом меняет его суть. Существуют разные способы использования «бутербродов». Так, А. Швидунова приводит следующие примеры «ядовитого сэндвича» и «сахарного сэндвича».

а) «Ядовитый сэндвич». Мнение, благоприятное для кандидата, размещается между негативными введением и заключением. Такая подача информации нейтрализует позитивное мнение, делает его незаметным. Например, во время парламентской кампании 1999 г. сюжет о высказывании Путиным официальной поддержки блоку «Единство» был показан на НТВ между двумя репортажами о ходе боев в Чечне. И у телезрителя создавалось впечатление, что, в то время как на войне гибнут солдаты, первых лиц государства волнуют только вопросы власти и будущей победы на выборах.

б) «Сахарный сэндвич». Это пример обратной «ядовитому сэндвичу» техники — помещение отрицательного мнения между положительными введением и заключением с целью создать в целом позитивный образ субъекта политической кампании. Также к методам манипуляции мы

можем отнести такие известные методы, как «дозирование информации или метод изоляции» — ограничение объема информации, доступного объекту манипуляции, когда сообщаются лишь некоторые сведения, а остальные тщательно скрываются. Так как человеку для составления объективного мнения необходим достаточный объем разнообразной информации, в результате дозирования восприятие реальности искажается, и модель восприятия окружающей действительности отклоняется от реальной. Продолжая описание наиболее популярных технологий манипулирования общественным сознанием, следует несколько слов посвятить и такому методу как метод «средних цифр», суть которого заключается в том, что при наличии большого числа индивидуальных количественных показателей, существенно различающихся между собой, среднее от этих значений не будет нести какой-либо смысловой нагрузки. Если, например, в группе преимущественно находятся люди с отклонениями в весе (как в меньшую, так и в большую сторону), то при применении метода средних цифр можно показать, что проблем с весом в данной группе нет, так как средний вес по группе будет в норме. Аналогично можно показать, что в городе или регионе нет бедных, так как средний уровень доходов, посчитанный с учетом дохода местных олигархов, может оказаться даже выше среднего по стране. В определенных случаях к манипулятивным методам можно отнести и формируемые всевозможные рейтинги политиков, с помощью которых можно создать иллюзию того, что та или иная политическая сила пользуется значительной общественной поддержкой, а тот или иной политик является аутсайдером. Используя «псевдосоциологические» методики рейтингования, можно добиться формирования в общественном сознании мнения, что лидером является конкретный субъект политической кампании, а его оппоненты не пользуются доверием и поддержкой со стороны населения. Также необходимо вспомнить метод перефокусировки внимания, в рамках которого для отвлечения внимания от нежелательных и проблемных событий создаются информационные яркие поводы, с помощью которых манипулятор отвлекает объект манипуляции и переключает его внимание на иные события.

Кроме этого достаточно часто манипуляторами применяется метод введения в тоннельное сознание или метод введения полярности, который заключается в формировании нескольких взаимоисключающих альтернатив, доступных для выбора, например, «за отставку мэра» или «против отставки мэра». В результате искусственно создается ситуация, в которой существует только определенный набор альтернатив, упрощающий принятие решения объектом манипуляции, но это решение будет заведомо принято в интересах манипулятора, так как набор альтернатив определяется им, все же другие возможные альтернативы человек уже не видит либо не воспринимает их в качестве таковых. Весьма распространен и метод «общего вагона», основанный на потребности человека быть частью социальной группы. При использовании данного метода объекту манипуляции внушается, что определенная модель поведения, образ действия, мнение являются правильными и истинными в силу того, что таковыми их считает подавляющее большинство людей определенной социальной группы. «Все так носят», «каждый так считает», «у нас весь подъезд за него проголосовал», «у нас все только в этот магазин и ходят» — примеры того, как жертве манипуляции навязывается определенная модель поведения. Существует большое число и иных способов манипулятивного воздействия на общественное сознание. При этом данные приемы, несмотря на все их многообразие,

направлены на создание у представителей целевых групп определенного отношения к субъектам политической кампании, мнения о них, определенного смещенного представления о реальности, а также установок и побуждений к определенным действиям в интересах манипулятора

. Манипулятивные возможности СМИ как источника, интерпретатора и транслятора информации крайне велики, поскольку средства массовой информации сегодня не просто освещают общественно значимые социально-политические события, но и создают определенное виртуальное пространство, которое воспринимается потребителями информации как реальная модель политического мира. Реальность заменяется в информационном обществе на искусственно создаваемые виртуальные модели, в рамках которых формируются выгодные для субъектов информационного воздействия массовые представления, предпочтения, мнения, отношения и реакции по поводу конкретных событий, процессов, явлений, а также формируется типовое

массовое поведение целевых групп, на которые оказывается манипулятивное информационное воздействие.

Лекция 8

Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики

Лингвистическая экспертиза является разделом прикладной лингвистики.

Помимо термина «лингвистическая экспертиза» можно встретить и иные наименования: текстологическая, психолингвистическая, филологическая, лингво-криминалистическая, юрислингвистическая, речеведческая экспертиза и т. д.

Лингвистическая экспертиза – это процессуальное действие по объективной проверке относимости, допустимости и достоверности вербальной информации, имеющей значение доказательства. Оно состоит из процессуально регламентированного лингвистического исследования устного или письменного текста и дачи заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в области прикладного языкознания, фонетики и лингвистики, текстологии, психолингвистики и социолингвистики, компьютерной и когнитивной лингвистики и других направлений современного теоретического и прикладного языкознания, входящих в систему судебного речеведения.

Предмет экспертизы – установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области лингвистики.

Объекты экспертиз — это единицы языка и речи, тексты, представленные на любом материальном носителе.

По **формальному параметру** лингвистические экспертизы разделяются на:

- **официальные** (выполняются по постановлению суда или органов дознания и используются в виде доказательств);
- **инициативные** (выполняются по инициативе любых заинтересованных физических и юридических лиц (ответчиков, истцов, адвокатов, организаций и т.д.). Такие экспертизы называются заключением специалиста. Могут быть использованы в виде доказательств только решением суда или органов дознания.

По **количеству экспертов** различают:

- комиссионные экспертизы (несколько экспертов): *сложные случаи*, требующие привлечение нескольких (в т.ч. разных) экспертов, *предмет исследования экспертизы носит междисциплинарный характер* (участие лингвиста, психолога, культуролога), *дело имеет общественную значимость*;
- неkomиссионные (один эксперт).

По **объему анализа выделяют**:

- холистические (цельнотекстовые) экспертизы;
- частные экспертизы (толкование значений отдельных слов, словосочетаний, высказываний в рамках текстов законов, официальных и личных писем, документов и т.д.).

По **уровням анализа языка выделяют**:

- Фонетические экспертизы
- Морфологические (для анализа товарных знаков)
- Текстологические
- Дискурсивные (для выявления коммуникативных намерений говорящего, изучение текста с учетом экстралингвистических факторов)

Исходя из объектов экспертиз, выделяют **3 основных вида лингвистических экспертиз**:

1. Экспертиза письменного текста. Используются разнообразные методики в зависимости от цели экспертизы:

- морфологический анализ (выявление сходства и различий товарных знаков);
- синтаксический анализ (выявление синтаксической сложности текстов при установлении авторства);
- семантический анализ (изучение текста на наличие/отсутствие оскорблений и т.п.);
- лингвостатистический анализ (установление авторства).

При экспертизе письменного текста привлекаются следующие теоретические направления лингвистики:

- лингвистическая семантика (например, толкование слов и словосочетаний);
- лингвистическая прагматика (в особенности, теория речевых актов), определяющая коммуникативную направленность высказывания и сущность таких речевых категорий, как утверждение, оценка, призыв;
- теория речевого воздействия (в частности, изучает использование речевого варьирования как приём речевого воздействия и управления сознанием адресата, процессами понимания речевых сообщений);
- теория аргументации (даёт возможность выявлять тезисы и аргументы спорных текстов, обнаруживая неявные компоненты процесса аргументирования).

2. Экспертиза звучащей речи в т. ч. фоноскопия: исследуются акустические характеристики речи, чаще всего для идентификации автора речевого произведения. Используется инструментарий акустики, фонетики и фонологии.

3. Вербально-визуальная экспертиза (комбинация текста и изображения, например, товарные знаки, слоганы, телевизионные рекламные ролики). Предмет исследования – сочетание текста и изображения, т.е. вербальный и невербальный компоненты.

Задачи лингвистической экспертизы:

- установление индивидуальных и социальных характеристик языковой личности;
- толкование и разъяснение значений и происхождения слов, словосочетаний, идиом;
- интерпретация языкового знака или фрагмента текста;
- точность перевода;
- объяснение употребления языкового знака с точки зрения плана содержания и плана выражения;
- установление и подтверждение авторства текста/ речевого произведения;
- исследование товарных знаков, словесных обозначений, девизов, слоганов, рекламных текстов, коммерческих, фирменных наименований на предмет их тождественности или сходности до степени смешения с другими обозначениями т. д.;
- исследование текста (фрагмента) с целью выявления его смысловой направленности, модальности пропозиций, экспрессивности и эмотивности речевых единиц, их формально-грамматической характеристики и семантики, специфики использованных стилистических средств и приемов и другие.

Помимо термина «лингвистическая экспертиза» можно встретить и иные наименования: текстологическая, психолингвистическая, филологическая, лингво-криминалистическая, юрислингвистическая, речеведческая экспертиза и т. д.

Потребность в производстве судебной лингвистической экспертизы наиболее часто возникает:

- в юрисдикционной деятельности компетентных органов по раскрытию и расследованию преступлений (клевета, оскорбление, национальная рознь, вымогательство, нарушение авторских и смежных прав и т. д.);
- в судебном разбирательстве уголовных и гражданских дел (иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, авторских прав и т. д.),
- арбитражных споров (нарушение авторских и смежных прав, толкование договоров, протоколов, документов хозяйственного оборота и т. д.).

С методической т.з. проведение экспертизы предполагает выполнение следующих основных этапов:

1. Определение объекта анализа (выделение лингвистического аспекта поставленных эксперту вопросов).
2. Определение глубины анализа, круга привлекаемых источников информации по делу (как правило анализ ограничивается материалами, предоставленными судом).

3. Определение круга источников лингвистической информации (нормативные словари, нормативные грамматики, справочники, теоретические работы).
4. Определение возможности использования репрезентативных корпусов текстов и др. инструментов компьютерной обработки языковых данных.
5. Определение необходимости использования правовых документов – текстов законов, комментариев к законам.

Важной составляющей любой лингвистической экспертизы является её оформление, которое осуществляется по определенным правилам.

Лингвистическая экспертиза звучащей речи)/ фоноскопия(название Минюста - "Экспертиза видео-звукозаписей")

Объекты экспертизы: материалы электронных средств массовой информации, публично распространяемые устные высказывания, в том числе распространяемые посредством интернет-коммуникации, фонограммы звучащей речи, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий, приобщенные в качестве доказательств или иных документов к материалам гражданских и уголовных дел.

Задачи:

- установление наличия или отсутствия монтажа аудиозаписи;
- идентификация и диагностика лиц по устной речи (в т.ч. этому ли человеку принадлежит голос, представленный на записи, на родном ли языке общается диктор, степень владения языком, уровень образования и развития речевой культуры);
- повышение разборчивости речевого сигнала, искаженного импульсными помехами или шумами;
- наличие или отсутствие акцента у говорящего;
- определение ролевой функции говорящего в беседе;
- определение принадлежности говорящего к определенной профессиональной сфере;
- определение количества говорящих (определение числа лиц полилога и классификация реплик полилога по лицам);
- установление дословного содержания устного текста;
- оценка поло-возрастных и анатомо-физиологических характеристик диктора (наличие специфики речевого аппарата и т.д.);
- толкование используемых в речи диалектизмов, жаргонизмов и т. д.;
- установление эмоционально-психологического состояния говорящего (в т.ч. факта необычного состояния или необычных условий порождения устного текста);
- выявление смыслов, выраженных в звучащей речи, анализ смыслов с точки зрения установления направленности текста на достижение определенных целей воздействия на коммуниканта;
- выявления признаков провокации и вымогательства взятки, коммерческого подкупа, угроз и шантажа, подстрекательства и склонения к противоправным действиям, подготовки к совершению преступления или правонарушения, сокрытия преступления или правонарушения;
- выявление признаков экстремистских материалов, клеветы, оскорбления, ненависти, вражды, пропаганды (исключительности и превосходства, асоциального поведения, употребления наркотиков и т.д.), оправдания, призывов к чему-либо и т.д.

Нужно отметить, что Россия в XXI веке прочно заняла лидирующие позиции по количеству выполняемых судебных фоноскопических экспертиз. Практически все судебные фоноскопические экспертизы связаны с идентификацией дикторов.

Информационные уровни лингвистической экспертизы звучащей речи

Выделяют четыре информационно разных уровня анализа фонограмм речи:

- физический (уровень акустического описания речевого сигнала). Этот уровень условно разбивается на три подуровня. На самом нижнем подуровне речевой сигнал описывается в терминах: амплитуда-время; на втором (подуровне параметрического

описания) - в терминах: энергия в полосах частот, высота и чистота голоса, форманты, спектральные переходы и т.п.; на третьем (подуровне модельного описания) - в терминах математического моделирования, вычисляются образы речевых сигналов. Последнее позволяет получить объективную картину артикуляционных и голосовых особенностей говорящего;

- биологический (уровень анатомического и физиологического описания индивидуальных особенностей говорящего на базе объективных данных, полученных в результате физического анализа речевого сигнала);
- психологический (уровень нейрофизиологического и психологического описания личности);
- интеллектуальный (уровень лингвистического, интеллектуального, образовательного, профессионального и тому подобного описания индивидуальных особенностей говорящего).

Каждый из этих уровней раслаивается еще на ряд подуровней.

Большинство из существующих криминалистических фоноскопических исследований базируются на физическом уровне, а именно на анализе динамики спектров речевых сигналов. С их помощью определяются резонансные частоты речевого тракта при произнесении разных гласных и звонких согласных звуков речи – форманты, ЧОТ, темпоральные особенности речи дикторов и т.д.

В идентификации личности по речевым сигналам информационные уровни 1 и 2 являются ведущими, так как описание речевых сигналов на уровнях 3 и 4 существенно зависит от сознательного управления речью и голосом. Иными словами, изменение речи на первом информационном уровне всегда ведет к изменению параметров, описывающих личность на более низком информационном уровне.

Литература, использованная в курсе лекций

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособ. / А.Н. Баранов. – 3-е изд. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2011. – 592 с.
3. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 200 с.
4. Бринев К.И. Судебно-лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография / К.И. Бринев. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 304 с.
5. Володенков С.В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием // Вестник московского университета. Сер. 12. Политические науки. № 3, 2012. – С. 89-103
6. Иванашко Ю.П. Фонетическая организация политического дискурса (экспериментально-фонетическое исследование на материале речей британских политиков) [Текст] : дисс. ... канд. филол. н. : 10.02.04 / Ю.П. Иванашко. – Благовещенск, 2015. – 251 с.
7. Чудинов А.П. Политическая лингвистика [Текст] : учебное пособие / А. П. Чудинов. - 4-е изд. - Москва : Флинта : Наука, 2012. - 254 с.

II. Методические рекомендации к практическим занятиям

1) Доклад по теме лекции

В ходе лекций студенты получают новые теоретические знания по изучаемой дисциплине.

Вопросы, не рассмотренные/рассмотренные в сжатом виде на лекции, выносятся на практические занятия и предварительно должны быть изучены студентами самостоятельно.

На практическом занятии каждый его участник должен быть готов к выступлению по всем поставленным в плане вопросам, проявлять максимальную активность при их рассмотрении. Выступление должно строиться свободно, убедительно и аргументировано. Преподаватель следит, чтобы выступление не сводилось к репродуктивному уровню (простому воспроизведению текста), не допускается и простое чтение конспекта. Необходимо, чтобы выступающий демонстрировал собственное отношение к тому, о чем он говорит, высказывал свое личное мнение, понимание, обосновывал его и мог сделать правильные выводы из сказанного. При этом студент может обращаться к записям конспекта и лекций, непосредственно к первоисточникам, использовать знание художественной литературы и искусства, факты и наблюдения современной жизни и т. д.

Доклад по теме лекции представляет собой устный ответ, подготовленный на основе конспекта прослушанной лекции и/или конспекта предложенной преподавателем основной и дополнительной литературы. Доклад может сопровождаться электронной презентацией.

Продолжительность доклада составляет 7-10 минут, по его окончании студенты и преподаватель задают докладчику вопросы по теме выступления (5 мин.).

Доклад должен содержать следующие компоненты:

- тема доклада;
- план доклада;
- основные определения в представляемой области;
- основной текст доклада;
- выводы по теме.

Доклад должен быть изложен научным стилем. Не допускается использование: длинных сложных предложений, затрудняющих восприятие; малоупотребительных иностранных слов, узкоспециальной терминологии, известной ограниченному кругу профессионалов (без объяснения их значений); вводных конструкций, не несущих смысловой нагрузки; общих слов. Позиция автора в докладе должна демонстрироваться минимально, недопустимо использование местоимений «я», «моя» (точка зрения).

Темы практических занятий

Политическая лингвистика: историческое развитие и современное состояние.

1. История возникновения политической лингвистики. Предпосылки.
2. Политическая лингвистика в России. История образования. Основные направления. Современное состояние. Перспективы развития.
3. Политическая лингвистика в Европе. История образования. Основные направления. Особенности проведения исследований.
4. Политическая лингвистика в мире (страны на выбор).

Понятийный аппарат и терминология политической лингвистики.

1. Политический язык.
2. Политический текст.
3. Политическая речь.
4. Политическая сфера коммуникации и ее разновидности.
5. Жанры политической речи.
6. Политические концепты.
7. Ментальные сферы.
8. Стереотипы в политическом дискурсе.
9. Ценности и антиценности в политическом дискурсе.

Типовые свойства, дискурсивные характеристики и функции политической коммуникации.

1. Ритуальность и информативность политической коммуникации.
2. Институциональность и личностный характер политической коммуникации.
3. Эзотеричность политической коммуникации.
4. Стандартность и экспрессивность в политической коммуникации.
5. Диалогические и монологические тексты политиков.
6. Оценочность в политической коммуникации.
7. Агрессивность и толерантность в политической коммуникации.
8. Роли в политической коммуникации.
9. Стратегия и тактика в политической коммуникации.
10. Политический нарратив.
11. Функции политической коммуникации.

Лексические характеристики политической коммуникации.

1. Идеологема.
2. Использование Российскими и зарубежными политиками просторечной лексики. Примеры и комментарии.

3. Жаргонная лексика в речи политика (в России и за рубежом): основные цели. Примеры и комментарии.
4. Применение иноязычной лексики: необходимость или дань моде?
5. Использование в политической речи сложносокращенных слов и акронимов.

Стилистические характеристики политической коммуникации в России и за рубежом. Метафора в языке политики.

1. Использование политиками стилистических фигур и тропов в политической коммуникации в России и за рубежом.
2. Интертекстуальность.
3. Интерстилевое тонирование текста.
4. Функции метафоры в политической речи:
  - а) когнитивная функция;
  - б) коммуникативная функция;
  - в) прагматическая функция;
  - г) эстетическая функция.
5. Криминальная метафора в политической коммуникации.
6. Акцентирование метафоры в политическом тексте.
7. Взаимодействие метафоры в заголовке с основным текстом.
8. Методика сопоставительного анализа метафорических моделей.

Фонетические особенности политической речи.

1. Просодические особенности политической речи (сопоставление речей британских и российских политиков).
2. Особенности реализации сегментных единиц.
3. Акцентное выделение и реализация гласных и согласных фонем на информативно нагруженных участках.

Средства манипулятивного воздействия в политической коммуникации.

1. Языковые механизмы манипулятивного воздействия:
  - а) языковые средства экспликации «свои-чужие»: лексический, морфологический и семантический уровни;
  - б) семантические приемы реализации манипулятивного воздействия;
  - в) прием межфреймового перехода.

Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики.

1. Виды лингвистических экспертиз.
2. Этапы работы эксперта.
3. Фразеологизмы: проблема внутренней формы и экспликации актуального значения.
4. Метафора в политических текстах. Перенос иностранных метафор в русский язык: проблема трактовки.
5. Референция. Номинализация.
6. Приемы речевого воздействия как объект исследования лингвистической экспертизы текста.
7. Семантический анализ слов в экспертной практике.
8. Речевой акт призыва в лингвистической экспертизе текста.
9. Корпус речи носителей русского языка: проблемы и перспективы. Создание корпусов политических текстов.
10. Использование имеющихся корпусов политических текстов в практике.
11. Экспертное заключение.

2) Дискуссия/круглый стол

Дискуссия является одной из наиболее эффективных технологий группового взаимодействия, обладающей особыми возможностями в обучении, развитии и воспитании.

Дискуссия (от лат. *discussio* – рассмотрение, исследование) – способ организации совместной деятельности с целью интенсификации процесса принятия решений в группе посредством обсуждения какого-либо вопроса или проблемы.

Круглый стол – это дискуссия, направленная на обсуждение какой-либо актуальной темы, требующей всестороннего анализа. Как правило, перед участниками не стоит задача полностью решить проблему, они ориентированы на возможность рассмотреть ее с разных сторон, собрать как можно больше информации, осмыслить ее, обозначить основные направления развития и решения, согласовать свои точки зрения, научиться конструктивному диалогу. Поскольку дискуссия организуется в прямом смысле за круглым столом, в ней могут принять участие 15-25 человек.

Дискуссия обеспечивает активное включение ее участников в поиск истины; создает условия для открытого выражения ими своих мыслей, позиций, отношений к обсуждаемой теме и обладает особой возможностью воздействия на установки ее участников в процессе группового взаимодействия.

Дискуссия имеет ряд функций:

1. Обучающая функция дискуссии определяется предоставляемой участнику возможностью получить разнообразную информацию от собеседников, продемонстрировать и повысить свою компетентность, проверить и уточнить свои представления и взгляды на обсуждаемую проблему, применить имеющиеся знания в процессе совместного решения учебных задач.
2. Развивающая функция дискуссии связана со стимулированием творчества, развитием способности к анализу информации и аргументированному, логически выстроенному доказательству своих идей и взглядов, с повышением коммуникативной активности учащихся, их эмоциональной включенности в учебный процесс.
3. Ценностно-ориентирующая функция – созданием благоприятных условий для проявления индивидуальности, самоопределения в существующих точках зрения на определенную проблему, выбора своей позиции; формирование умения взаимодействовать с другими, слушать и слышать окружающих, уважать чужие убеждения, принимать оппонента, находить точки соприкосновения, соотносить и согласовывать свою позицию с позициями других участников обсуждения.

Дискуссия с коммуникативной точки зрения всегда полилогична. Но характер этого полилога может быть разным:

Полилог – разноголосие – разногласие, защита каждым своей позиции, своей точки зрения – спор;

Полилог – многоголосие – согласие, взаимодополнение, совместное решение проблемы – диалог.

Использование того или иного типа дискуссии зависит от характера обсуждаемой проблемы и целей дискуссии.

Дискуссия-диалог чаще всего применяется для совместного обсуждения учебных проблем, решение которых может быть достигнуто путем взаимодополнения, группового взаимодействия по принципу “индивидуальных вкладов” или на основе согласования различных точек зрения, достижения консенсуса.

Дискуссия-спор используется для всестороннего рассмотрения сложных проблем, не имеющих однозначного решения даже в науке, социальной политической жизни. Она построена на принципе “позиционного противостояния” и ее цель – не столько решить проблему, сколько побудить учащихся задуматься над проблемой, осуществить “инвентаризацию” своих представлений и убеждений, уточнить и определить свою позицию; научить аргументировано отстаивать свою точку зрения и в то же время осознать право других иметь свой взгляд на эту проблему, быть индивидуальностью.

Выделяется несколько этапов дискуссии.

Этап 1-ый, введение в дискуссию:

- Формулирование проблемы и целей дискуссии;
- Создание мотивации к обсуждению – определение значимости проблемы, указание на нерешенность и противоречивость вопроса и т.д.
- Установление регламента дискуссии и ее основных этапов;
- Совместная выработка правил дискуссии;
- Выяснение однозначности понимания темы дискуссии, используемых в ней терминов, понятий.

Этап 2-й, обсуждение проблемы:

Обмен участниками мнениями по каждому вопросу. Цель этапа – собрать максимум мнений, идей, предложений, соотнося их друг с другом;

Этап 3-й, подведение итогов обсуждения:

- Выработка учащимися согласованного мнения и принятие группового решения;
- Обозначение ведущим аспектов позиционного противостояния и точек соприкосновения в ситуации, когда дискуссия не привела к полному согласованию позиций участников. Настрой обучающихся на дальнейшее осмысление проблемы и поиск путей ее решения;
- Совместная оценка эффективности дискуссии в решении обсуждаемой проблемы и в достижении педагогических целей, позитивного вклада каждого в общую работу.

Рекомендации для участника дискуссии

Когда вы участвуете в споре, в дискуссии, от вас хотят услышать четкое обоснованное мнение. Вы можете стремиться убедить или переубедить, или просто сообщить свою позицию.

Чтобы выступление было кратким и ясным, можно воспользоваться ПОПС-формулой:

П – позиция (в чем заключается ваша точка зрения) – Я считаю, что...

О – обоснование (на чем вы основываетесь, довод в поддержку вашей позиции) - ...потому, что...

П – пример (факты, иллюстрирующие ваш довод) - ...например...

С – следствие (вывод, что надо сделать, призыв к принятию вашей позиции) - ...поэтому....

Все выступление, таким образом, может состоять из двух-четырёх предложений и занимать 1-2 минуты.

Правила поведения в дискуссии

- Я критикую идеи, а не людей
- Моя цель не в том, чтобы “победить”, а в том, чтобы прийти к наилучшему решению
- Я побуждаю каждого из участников к тому, чтобы участвовать в обсуждении
- Я выслушиваю соображения каждого, даже если я с ними не согласен
- Я сначала выясняю все идеи и факты, относящиеся к обеим позициям
- Я стремлюсь осмыслить и понять оба взгляда на проблему
- Я изменяю свою точку зрения под воздействием фактов и убедительных аргументов¹.

Дискуссии по темам дисциплины

Тема 1 Политическая лингвистика: историческое развитие и современное состояние

Примерные темы дискуссии

1. История возникновения политической лингвистики. Предпосылки.
2. Политическая лингвистика в России. История образования. Основные направления. Современное состояние. Перспективы развития.
3. Политическая лингвистика в Европе. История образования. Основные направления. Особенности проведения исследований.
4. Политическая лингвистика в мире (страны на выбор).

Тема 2 Понятийный аппарат и терминология политической лингвистики

Примерные темы дискуссии

¹ Бочкова Н.В. Как вести дискуссию. URL:

<http://открытыйурок.рф/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/582172/>

1. Политический язык.
2. Политический текст.
3. Политическая речь.
4. Политическая сфера коммуникации и ее разновидности.
5. Жанры политической речи.
6. Политические концепты.
7. Ментальные сферы.
8. Стереотипы в политическом дискурсе.
9. Ценности и антиценности в политическом дискурсе.

Тема 3 Типовые свойства, дискурсивные характеристики и функции политической коммуникации

Примерные темы дискуссии

1. Ритуальность и информативность политической коммуникации.
2. Институциональность и личностный характер политической коммуникации.
3. Эзотеричность политической коммуникации.
4. Стандартность и экспрессивность в политической коммуникации.
5. Диалогические и монологические тексты политиков.
6. Оценочность в политической коммуникации.
7. Агрессивность и толерантность в политической коммуникации.
8. Роли в политической коммуникации.
9. Стратегия и тактика в политической коммуникации.
10. Политический нарратив.
11. Функции политической коммуникации.

Тема 4 Лексические характеристики политической коммуникации

Примерные темы дискуссии

1. Идеологема.
2. Использование Российскими и зарубежными политиками просторечной лексики. Примеры и комментарии.
3. Жаргонная лексика в речи политика (в России и за рубежом): основные цели. Примеры и комментарии.
4. Применение иноязычной лексики: необходимость или дань моде?
5. Использование в политической речи сложносокращенных слов и акронимов.
6. Использование в политической речи метафор.
7. Использование в политической речи обсессивной лексики.

Тема 5 Стилистические характеристики политической коммуникации. Метафора в языке политики

Примерные темы дискуссии

1. Использование политиками стилистических фигур и тропов в политической коммуникации в России и за рубежом.
2. Интертекстуальность.
3. Интерстилевое тонирование текста.
4. Функции метафоры в политической речи:
  - а) когнитивная функция;
  - б) коммуникативная функция;
  - в) прагматическая функция;
  - г) эстетическая функция.
5. Криминальная метафора в политической коммуникации.
6. Акцентирование метафоры в политическом тексте.
7. Взаимодействие метафоры в заголовке с основным текстом.

8. Методика сопоставительного анализа метафорических моделей.

Тема 6 Фонетические особенности политической речи

Примерные темы дискуссии

1. Просодические особенности политической речи (сопоставление речей британских и российских политиков).
2. Просодические особенности политической речи (на примере американского английского).
3. Особенности реализации сегментных единиц (русский язык).
4. Особенности реализации сегментных единиц (английский язык).
5. Особенности реализации сегментных единиц (немецкий язык).
6. Акцентное выделение и реализация гласных и согласных фонем на информативно нагруженных участках.

Тема 7 Средства манипулятивного воздействия в политической коммуникации

Примерные темы дискуссии

1. Языковые механизмы манипулятивного воздействия:
  - а) языковые средства экспликации «свои-чужие»: лексический, морфологический и семантический уровни;
  - б) семантические приемы реализации манипулятивного воздействия;
  - в) прием межфреймового перехода.

Тема 8 Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики

Примерные темы дискуссии

1. Юрислингвистика в России. История образования. Основные направления. Современное состояние. Перспективы развития.
2. Юрислингвистика в Европе. История образования. Основные направления. Особенности проведения исследований.
3. Юрислингвистика в мире.
4. Виды экспертиз. Экспертиза письменного текста.
5. Виды экспертиз. Фоноскопия. История фоноскопии и ее методологии.
6. Фоноскопия в России и за рубежом на современном этапе. Различия подходов и методов.
7. Сферы применения лингвистической экспертизы.
8. Виды экспертиз. Почерковедческие экспертизы.
9. Виды экспертиз. Вербально-визуальная экспертиза.
10. Виды экспертиз. Текстологические экспертизы.
11. Основные этапы лингвистических экспертиз.
12. Этапы работы эксперта.
13. Фразеологизмы: проблема внутренней формы и экспликации актуального значения.
14. Метафора в политических текстах. Перенос иностранных метафор в русский язык: проблема трактовки.
15. Референция. Номинализация.
16. Приемы речевого воздействия как объект исследования лингвистической экспертизы текста.
17. Семантический анализ слов в экспертной практике.
18. Речевой акт призыва в лингвистической экспертизе текста.
19. Корпус речи носителей русского языка: проблемы и перспективы. Создание корпусов политических текстов.

3) Терминологический диктант

Терминологический диктант – процедура, при которой испытуемому необходимо определить термин по его толкованию или, наоборот, дать определение предложенному термину. Терминологический диктант, как правило, занимает 10-15 минут занятия и проводится в его начале или конце. Термины и определения, содержащиеся в диктанте, соответствуют пройденной теме, содержатся в конспектах лекций по дисциплине и в глоссариях, которые составляются студентами индивидуально.

Образец терминологического диктанта

1. Призыв – это...
2. Призыв, исключаящий говорящего из числа адресатов – это...
3. Призыв, не исключаящий говорящего из числа адресатов – это...
4. Призыв или обращение в лаконичной форме, выражающее руководящую идею, требование – это ...
5. Апелляция – это...
6. Сложный речевой акт в рамках общественно-политической коммуникации, представляющий собой связный текст, содержащий структурно более простые призывы, который предназначен для конкретного адресата – общества, социальной группы или значимого политического субъекта – и имеет цель побудить его выполнить действие, рассматриваемое как важную часть общественно-полезной деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы – это ...
7. Воззвание – это ...
8. Оценочно-немотивированный призыв – это...
9. Оценочно-мотивированный призыв – это...
10. Пропаганда – это...

4) Презентация

Электронная презентация – это электронный документ, позволяющий последовательно показывать в полноэкранном режиме слайды. Слайд – основной элемент презентации. Слайды могут содержать мультимедийную информацию разных типов: текстовую, графическую (диаграммы, графики, картинки), фотографии, видеофрагменты и аудиоинформацию (звуковое сопровождение, закадровый текст).

Электронная презентация предназначена для демонстрации объектов и событий, которые не могут быть непосредственно представлены аудитории, во время выступления докладчика. В зависимости от назначения презентация может быть выполнена в любых программных продуктах, позволяющих отображать слайды с заданным промежутком времени или по требованию докладчика.

Информация, представленная с помощью мультимедийной презентации, быстро усваивается за счет сокращения текстовой части и замены словесных описаний объекта яркими иллюстрациями, наглядными схемами и графиками.

Требования, позволяющие создавать наиболее эффективные электронные презентации:

1. **Содержание мультимедийной презентации:** отображение темы электронной презентации и данных об авторе презентации или учреждении на первом слайде презентации; соответствие содержания презентации поставленным целям и задачам; краткость изложения, максимальная информативность и достоверность представленной информации; новизна и конкурентоспособность презентуемого объекта; формулировка запоминающейся ключевой фразы презентации.

2. **Расположение информации на слайде:** горизонтальное расположение информации на слайде, форматирование текста по ширине, размещение наиболее важной информации в центре экрана и выделение ее шрифтом и цветом; вставка надписей под мультимедийной информацией.

3. **Визуальный и звуковой ряд:** соответствие изображений и графических объектов содержанию презентации; обеспечение яркости и контрастности изображения; обеспечение высокого качества используемой аудиоинформации.

4. **Текст:** использование контрастных цветов для фона и текста; выделение ключевых слов в предложении жирным шрифтом или цветом; соблюдение принятых правил орфографии,

пунктуации, сокращений и правил оформления текста (отсутствие точки в заголовках и др.); недопустимость применения переносов в словах; использование подчеркивания лишь в гиперссылках.

5. **Дизайн:** использование единого стиля оформления презентации; соответствие стиля оформления (графического, звукового, анимационного) содержанию презентации; использование психологически комфортного фона слайдов, не заслоняющего информацию, представленную на них; соответствие шаблона представляемой теме; целесообразность использования анимационных эффектов.

6. **Адаптивность** мультимедийной презентации, возможность внесения в нее изменений и дополнений в зависимости от конкретной ситуации².

7. **Время:** количество слайдов примерно соответствует длине доклада в минутах (если у вас слайдов намного больше, чем времени, вы не успеете показать все слайды, либо будете показывать их слишком быстро и аудитория не поймет доклада; если у вас слайдов слишком мало, то это означает, что вы не эффективно их используете).

8. **Доклад:**

- Повествование должно быть последовательным и логичным.
- Возврат к старому слайду – зачастую неудачное решение.
- Доклад следует делить на разделы.
- Если доклад длится более 15-20 минут, следует перед каждым разделом давать его краткий план.
- В каждом разделе не должно быть более 4-5 параграфов (иначе к тому времени, как вы дойдете до последнего параграфа, аудитория успеет забыть план этого раздела).
- Названия разделов и параграфов должны быть краткими и ёмкими.
- Начинайте доклад с пояснения, о чем вы будете рассказывать.
- Завершайте свой доклад обобщением уже сказанных основных тезисов в более короткой и понятной форме. Люди наиболее внимательны в начале и конце доклада. Итоги – это второй шанс донести главную мысль до слушателя.

Презентации по темам дисциплины

Тема 1 Политическая лингвистика: историческое развитие и современное состояние

Примерные темы презентации

1. История возникновения политической лингвистики. Предпосылки.
2. Политическая лингвистика в России. История образования. Основные направления. Современное состояние. Перспективы развития.
3. Политическая лингвистика в Европе. История образования. Основные направления. Особенности проведения исследований.
4. Политическая лингвистика в мире (страны на выбор).

Тема 2 Понятийный аппарат и терминология политической лингвистики

Примерные темы презентации

1. Политический язык.
2. Политический текст.
3. Политическая речь.
4. Политическая сфера коммуникации и ее разновидности.
5. Жанры политической речи.

---

² Электронные презентации. URL: https://studme.org/53346/informatika/elektronnye_prezentatsii

6. Политические концепты.
7. Ментальные сферы.
8. Стереотипы в политическом дискурсе.
9. Ценности и антиценности в политическом дискурсе.

Тема 3 Типовые свойства, дискурсивные характеристики и функции политической коммуникации

Примерные темы презентации

12. Ритуальность и информативность политической коммуникации.
13. Институциональность и личностный характер политической коммуникации.
14. Эзотеричность политической коммуникации.
15. Стандартность и экспрессивность в политической коммуникации.
16. Диалогические и монологические тексты политиков.
17. Оценочность в политической коммуникации.
18. Агрессивность и толерантность в политической коммуникации.
19. Роли в политической коммуникации.
20. Стратегия и тактика в политической коммуникации.
21. Политический нарратив.
22. Функции политической коммуникации.

Тема 4 Лексические характеристики политической коммуникации

Примерные темы презентации

6. Идеологема.
7. Использование Российскими и зарубежными политиками просторечной лексики. Примеры и комментарии.
8. Жаргонная лексика в речи политика (в России и за рубежом): основные цели. Примеры и комментарии.
9. Применение иноязычной лексики: необходимость или дань моде?
10. Использование в политической речи сложносокращенных слов и акронимов.
11. Использование в политической речи метафор.
12. Использование в политической речи обшцессивной лексики.

Тема 5 Стилистические характеристики политической коммуникации. Метафора в языке политики

Примерные темы презентации

5. Использование политиками стилистических фигур и тропов в политической коммуникации в России и за рубежом.
6. Интертекстуальность.
7. Интерстилевое тонирование текста.
8. Функции метафоры в политической речи:
  - а) когнитивная функция;
  - б) коммуникативная функция;
  - в) прагматическая функция;
  - г) эстетическая функция.
5. Криминальная метафора в политической коммуникации.
6. Акцентирование метафоры в политическом тексте.
7. Взаимодействие метафоры в заголовке с основным текстом.
8. Методика сопоставительного анализа метафорических моделей.

Тема 6 Фонетические особенности политической речи

Примерные темы презентации

4. Просодические особенности политической речи (сопоставление речей британских и российских политиков).
5. Просодические особенности политической речи (на примере американского английского).
6. Особенности реализации сегментных единиц (русский язык).
7. Особенности реализации сегментных единиц (английский язык).
8. Особенности реализации сегментных единиц (немецкий язык).
9. Акцентное выделение и реализация гласных и согласных фонем на информативно нагруженных участках.

Тема 7 Средства манипулятивного воздействия в политической коммуникации

Примерные темы презентации

2. Языковые механизмы манипулятивного воздействия:

- а) языковые средства экспликации «свои-чужие»: лексический, морфологический и семантический уровни;
- б) семантические приемы реализации манипулятивного воздействия;
- в) прием межфреймового перехода.

Тема 8 Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики

Примерные темы презентации

5. Юрислингвистика в России. История образования. Основные направления. Современное состояние. Перспективы развития.
6. Юрислингвистика в Европе. История образования. Основные направления. Особенности проведения исследований.
7. Юрислингвистика в мире.
8. Виды экспертиз. Экспертиза письменного текста.
9. Виды экспертиз. Фоноскопия. История фоноскопии и ее методологии.
10. Фоноскопия в России и за рубежом на современном этапе. Различия подходов и методов.
11. Сферы применения лингвистической экспертизы.
12. Виды экспертиз. Почерковедческие экспертизы.
13. Виды экспертиз. Вербально-визуальная экспертиза.
14. Виды экспертиз. Текстологические экспертизы.
15. Основные этапы лингвистических экспертиз.
16. Этапы работы эксперта.
17. Фразеологизмы: проблема внутренней формы и экспликации актуального значения.
18. Метафора в политических текстах. Перенос иностранных метафор в русский язык: проблема трактовки.
19. Референция. Номинализация.
20. Приемы речевого воздействия как объект исследования лингвистической экспертизы текста.
21. Семантический анализ слов в экспертной практике.
22. Речевой акт призыва в лингвистической экспертизе текста.
23. Корпус речи носителей русского языка: проблемы и перспективы. Создание корпусов политических текстов.

III. Методические указания для самостоятельной работы студентов

Вопросы, не рассмотренные на лекционных занятиях, выносятся на практические занятия или должны быть изучены студентами самостоятельно. Контроль самостоятельной работы студентов по учебной программе курса осуществляется методом устного опроса, письменных заданий или посредством тестирования. В ходе самостоятельной работы студент обязан прочитать рекомендуемую основную и дополнительную литературу по изучаемой теме, дополнить конспекты недостающим материалом, выписками из рекомендованных источников. Выделить непонятные термины, найти их значение в словарях, энциклопедиях, справочниках. Вопросы, вызвавшие у студента в ходе самостоятельной работы затруднение, следует прояснить на практических занятиях.

При изучении дисциплины «Политическая лингвистика» используются следующие виды самостоятельной работы студентов:

- изучение теоретического материала;
- составление глоссария;
- выполнение практических заданий;
- подготовка ответов на вопросы по изучаемой теме;

- подготовка презентаций, проектов;
- подготовка докладов к круглому столу;
- выступление с докладами на научных студенческих конференциях.

Для подготовки к занятиям, текущему контролю и промежуточной аттестации студенты могут воспользоваться электронными библиотеками, а также могут взять на дом необходимую литературу на абонементе вузовской библиотеки и воспользоваться читальными залами вуза.

Рекомендации по планированию и организации времени, необходимого на изучение дисциплины

Наиболее оптимальный вариант планирования и организации студентом времени, необходимого для изучения дисциплины, – распределить учебную нагрузку равномерно.

В случае пропуска занятия, необходимо предоставить письменные (и устные) задания пропущенной темы. Самостоятельную работу следует выполнять согласно графику и требованиям, предложенным преподавателем.

Допуск к экзамену по дисциплине предполагает наличие конспектов лекций и своевременное выполнение домашних и самостоятельных заданий.

Описание последовательности действий студента при изучении дисциплины

Задание для самостоятельной работы по данному курсу студент получает от преподавателя.

Приступая к выполнению задания по любой теме, прежде всего, необходимо:

- ознакомиться с планом занятия;
- изучить соответствующие конспекты лекций, разделы/главы учебного пособия, разобрать приведенные в них примеры;
- выяснить наличие иной литературы или теоретического материала по соответствующей теме;
- по каждому вопросу предложенной темы определить и усвоить ключевые понятия и термины;
- к наиболее важным и сложным вопросам темы составить конспекты ответов.

Записи имеют первостепенное значение для самостоятельной работы. Они помогают понять построение изучаемого материала, выделить основные положения и проследить их логику. Ведение записей способствует превращению чтения в активный процесс, мобилизует, наряду со зрительной, и моторную память. Следует помнить: у студента, систематически ведущего записи, создается свой индивидуальный фонд подсобных материалов для быстрого повторения прочитанного, для мобилизации накопленных знаний. Особенно важны и полезны записи тогда, когда в них находят отражение мысли, возникшие при самостоятельной работе.

В случае возникновения трудностей при подготовке заданного материала студент должен и может обратиться за консультацией к преподавателю.

Критерием готовности к практическому/семинарскому занятию является умение ответить на все вопросы по теме занятия.

Рекомендации по подготовке к экзамену/зачету

В процессе подготовки к экзамену/зачету рекомендуется:

- 1) ознакомиться с перечнем вопросов, выносимых на экзамен/зачет;
- 2) повторить, обобщить и систематизировать информацию, полученную в процессе практического освоения материала;
- 3) просмотреть глоссарий, конспекты, которые изучались во время самостоятельной работы.

Разъяснения по работе с тестовыми заданиями

Тестовые задания предназначены для проведения текущего и итогового контроля усвоения содержания дисциплины. Используются следующие формы тестовых заданий: открытая, закрытая (с выбором одного или нескольких правильных ответов), на установление соответствия и последовательности, на дополнение, элементы аннотирования.

При выполнении тестов студенту, прежде всего, рекомендуется внимательно прочитать задание, ответить на вопрос, что необходимо сделать. Чтобы правильно выполнить задание закрытой формы (отметить один или более правильных ответов), необходимо прочитать тестовое утверждение и в приведенном списке отметить сначала те ответы, в которых студент уверен, и определить те, которые точно являются ошибочными, затем еще раз прочитать оставшиеся варианты, подумать, не являются ли еще какие-то из них правильными. Важно дочитать варианты ответов до конца, чтобы различить близкие по форме, но разные по содержанию ответы.

Рекомендации по работе с литературой

При работе с литературой (самостоятельная работа студента) необходимо, во-первых, определить, с какой целью студент обращается к источникам: найти новую, неизвестную информацию; расширить, углубить, дополнить имеющиеся сведения; познакомиться с другими точками зрения по определенному вопросу; научиться применять полученные знания; усовершенствовать умения. Исходя из этих целей, необходимо выбрать источники. Прежде всего, следует обратиться к учебникам, названия которых совпадают с названием курса. Для формирования умений целесообразно обратиться к практикумам. В получении более глубоких знаний по отдельным темам, проблемам помогут научные статьи, монографии, книги, приведенные в списках дополнительной литературы.

Выбрав несколько источников для ознакомления, необходимо изучить их оглавление. Это позволит определить, представлен ли там интересующий вопрос, и в каком объеме он освещается. После этого откройте нужный раздел, параграф и просмотрите, пролистайте их, обратив внимание на заголовки и шрифтовые выделения, чтобы выяснить, как изложен необходимый материал в данном источнике (проблемно, доступно, очень просто, популярно интересно, с представлением разных позиций, с примерами и проч.). Так, на основании ознакомительного, просмотрового чтения из нескольких книг, статей вы выберете необходимую информацию для аннотирования.

При этом важно прибегать к таким видам чтения, как изучающее и критическое: фиксировать в форме плана, тезисов, выписок, конспекта основные, значимые положения, отмечать свое согласие с автором или возможные спорные моменты, возражения.

План – структура письменной работы, определяющая последовательность изложения материала. Она является наиболее краткой и потому самой доступной и распространенной формой записей содержания исходного источника информации. По существу, это перечень основных вопросов, рассматриваемых в источнике. План может быть простым и развернутым. Их отличие состоит в степени детализации содержания и, соответственно, в объеме. Преимущество плана состоит в том, что он позволяет наилучшим образом уяснить логику мысли автора, упрощает понимание главных моментов произведения. Кроме того, он позволяет быстро и глубоко проникнуть в сущность построения произведения и, следовательно, гораздо легче ориентироваться в его содержании и быстрее обычного вспомнить прочитанное. С помощью плана гораздо удобнее отыскивать в источнике нужные места, факты, цитаты и т.д.

Выписки – это фрагменты текста (неполные и полные предложения, отделы абзацы, а также дословные и близкие к дословным записи об излагаемых в нем фактах), содержащие в себе квинтэссенцию содержания прочитанного. Выписки представляют собой более сложную форму записи содержания исходного источника информации. По сути, выписки – ни что иное, как цитаты, заимствованные из текста. Выписки позволяют в концентрированной форме и с максимальной точностью воспроизвести наиболее важные мысли автора, статистические и даталогические сведения. В отдельных случаях, когда это оправдано с точки зрения продолжения работы над текстом, вполне допустимо заменять цитирование изложением, близким дословному.

Тезисы – сжатое изложение содержания изученного материала в утвердительной (реже опровергающей) форме. Отличие тезисов от обычных выписок состоит в том, что тезисам присуща значительно более высокая степень концентрации материала. В тезисах отмечается преобладание выводов над общими рассуждениями. Записываются они близко к оригинальному тексту, т.е. без использования прямого цитирования.

Аннотация – краткое изложение основного содержания исходного источника информации, дающее о нем обобщенное представление. К написанию аннотаций прибегают в тех случаях, когда

подлинная ценность и пригодность исходного источника информации исполнителю письменной работы окончательно неясна, но, в то же время, о нем необходимо оставить краткую запись с обобщающей характеристикой.

Резюме – краткая оценка изученного содержания исходного источника информации, полученная, прежде всего, на основе содержащихся в нем выводов. Резюме весьма сходно по своей сути с аннотацией. Однако, в отличие от последней, текст резюме концентрирует в себе данные не из основного содержания исходного источника информации, а из его заключительной части, прежде всего выводов. Но, как и в случае с аннотацией, резюме излагается своими словами – выдержки из оригинального текста в нем практически не встречаются.

Конспект – сложная запись содержания исходного текста, включающая в себя заимствования (цитаты) наиболее примечательных мест в сочетании с планом источника, а также сжатый анализ записанного материала и выводы по нему. При выполнении конспекта требуется внимательно прочитать текст, уточнить в справочной литературе непонятные слова и вынести справочные данные на поля конспекта. Нужно выделить главное, составить план. Затем следует кратко сформулировать основные положения текста, отметить аргументацию автора. Записи материала следует проводить, четко следуя пунктам плана и выражая мысль своими словами. Цитаты должны быть записаны грамотно, учитывать лаконичность, значимость мысли. В тексте конспекта желательно приводить не только тезисные положения, но и их доказательства. При оформлении конспекта необходимо стремиться к емкости каждого предложения. Мысли автора книги следует излагать кратко, заботясь о стиле и выразительности написанного. Число дополнительных элементов конспекта должно быть логически обоснованным, записи должны распределяться в определенной последовательности, отвечающей логической структуре произведения. Для уточнения и дополнения необходимо оставлять поля. Необходимо указывать библиографическое описание конспектируемого источника.

Выделяют следующие основные виды конспектов.

План-конспект – создание плана текста; пункты плана сопровождаются комментариями, это могут быть цитаты или свободно изложенный текст.

Тематический конспект – краткое изложение темы, раскрываемой по нескольким источникам. В текстуальном конспекте приводится изложение цитат.

Свободный конспект включает в себя цитаты и собственные формулировки.

Формализованный конспект предполагает, что записи вносятся в заранее подготовленные таблицы. Это удобно при подготовке единого конспекта по нескольким источникам. Особенно если есть необходимость сравнения данных. Разновидностью формализованного конспекта является запись, составленная в форме ответов на заранее подготовленные вопросы, обеспечивающие исчерпывающие характеристики однотипных объектов, явлений, процессов и т.д.